„ХРИСТИАНИН“

ДЛЯ ВСЕХ ИЩУЩИХ ИСТИНУ И ЛЮБЯЩИХ ГОСПОДА

№ 8 | 1927 год | № 8

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА.

„Приближается утро, но еще ночь“.—Ис. 21, 12.

Еще сумрак над землею,
Еще ночь над ней висит;
Еще филин за рекою
Грустно, жалобно кричит;

Еще зверь по степи бродит
С жаждой крови и вреда;
Но смотрите! Вот, восходит
Лучезарная звезда.

В глубине дороги низкой
Еще тучи черной тень;
Еще ночь... но утро близко,
И грядет прекрасный день...

Скоро ярко загорится
Поднебесная заря...
Выйдет солнце, как царица,
Встретить славного царя.

Встанет раб, душой ленивый...
Словом Бога обновит
Вдохновленные призывы
И на ниву поспешит...

Смолкнут филины и совы;
Над равниною родной
Воспоет глашатай новый
О победе трудовой *).

И. С. П.

---

*) Из сборника „Песни воскресенья“.

ЛЮБОВЬ КО ХРИСТУ *)

Ч. Спёрджен.

„Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя". Иоан. 21,17.

Тот, кто познал Христа—не может Его не возлюбить: невозможно, чтобы, почувствовав в душе своей „полноту в Нем",—человек не загорелся любовью к Нему. Но бывает так, что верующий, под влиянием святой ревности, может сомневаться в своей любви к Господу своему. Он ошибается: сердце его несомненно горит любовью, потому что только душа **не** испытавшая еще на себе силу Крови кропления, может оставаться равнодушной к Христу. Как семя развивается под влиянием влаги и тепла, давая росток, так и душа, насыщенная благостью Спасителя, возрастает в любви и стремится к Нему.

Любовь эта уже не похожа на пламя, зажигающее взволнованную душу; она не выражается неудержимым потоком слов. Но она производит в душе **плоды правды**, себе на радость и Господу на славу. Любовь эта есть та сила, которая рождает праведность и приносит обильный плод. Мы назовем некоторые из этих „плодов". Дай Бог, чтобы они проявились в жизни нашей!

Можно двумя словами, вкратце, выразить сущность истинной любви: это—**„привязанность"** и **„уподобление".** Первым следствием любви является крепкая **связь** с сердцем Господа Иисуса; вторым—**преображение** в Его образ. Углубимся в этот вопрос и подробно рассмотрим наиболее часто случающиеся и наиболее привлекательные **проявления** силы благодати в душе человеческой, находящейся под влиянием любви Христовой.

1. Одним из первых и наиболее важных признаков любви к Иисусу служит **торжественная отдача** самих **себя** со всем, что мы имеем и что мы из себя представляем,—на безраздельное служение Господу.

Один благочестивый человек советует сопровождать вступление души в завет с Богом—**серьезным размышлением** и **горячей молитвой.** Многие из выдающихся святых таким именно путем посвятили себя всецело Господу и вынесли огромное благословение из подробного **исследования** своего отношения к Богу, вновь отдавая себя на служение Ему. Пишущий эти строки находит, что „погребение со Христом в крещении" является актом, наиболее согласным с Писанием, и наиболее красноречивым признаком посвящения себя Богу; но он не имеет ни малейшего намерения насиловать свободы братьев своих, предоставляя им запечатлеть **свою** отдачу Господу другим способом, кажущимся им, может быть, более действительным.

То, что мы читаем по этому поводу в сочинении Джона Ньютона—так разумно и назидательно, что я не могу не привести тут выдержки из него: „Много высказывается различных взглядов на то, полезно ли, уместно ли человеку, желающему посвятить себя Богу—принимать решения, давать всякие обеты и даже записывать их. Имеют ли смысл подобные письменные обязательства?.. На это можно сказать следующее.

В большинстве случаев люди отдаются Господу с ранних лет. Но, хотя в ту пору сердце и горячо все воспринимает, человек не имел еще возможности на личном опыте убедиться, насколько **лукаво** бывает сердце

*) См. „Христианин" № 6 за 1927 г.—„Полнота".

это! В тот счастливый день, когда человек ярко ощутит Бога, „обратится“ к Нему, осознает, что он спасен и прощен, что больше нечего бояться, не о чем мучиться—тогда душа бывает так полна радости, что в ней возникают всякие благие решения. Но несмотря на всю их искренность и чистосердечие, они оказываются не в силах противостоять целому ряду непредвиденных искушений. Вспомним страшный пример апостола Петра!.. Решения эти, обеты, которые человек себе тогда дает, основаны, главным образом, на том, что мы чрезмерно уповаем на **свою силу**. На этом-то часто и ловит нас „враг“ нашей души, вселяя в нас чувство уныния, иногда даже отчаянья, когда мы видим, что не исполняем обетов своих. Поэтому, многие верующие, богатые духовным опытом, и находят, что не следует давать таких обетов, не следует отмечать, запечатлевать их письменно, как делают многие; они считают этот прием посвящения себя Богу—неправильным и ненужным.

Так ли это? Простой пример: когда строится здание,—воздвигают вокруг него леса: иначе и строить нельзя. Леса не есть само здание; они будут сняты, когда постройка будет готова; но **пока—**они нужны. Вот так и многие новообращенные находят помощь в том, что дают себе те или другие обеты, записывая их. Впоследствии, когда суждения их делаются более зрелыми, и вера их становится более твердой, это им оказывается уж более ненужным“.

Всякий истинно верующий должен себя посвятить служению Искупителю; он **должен**, и непременно это **сделает**: к тому его влечет любовь. Он не один только раз, но ежедневно будет отдавать свои силы Господу. Многие верующие записывают эти свои духовные опыты, и в конце своей жизни находят особенное утешение, перечитывая воспоминания об этом торжественном, знаменательном периоде их жизни, сопровождавшемся незабвенными духовными переживаниями. И Господь, который благоволит к самым малым добрым намерениям, который „тростника надломленного не переломит“ и „льна курящегося не угашает“,—видит и поощряет желание каждого сердца, милостиво прощая ошибки, которые могут обнаружиться и которые только содействуют бо́льшему познанию человеком Бога, а также и своего собственного сердца. Господь одобряет их, позволяет им доверяться Ему таким именно путем; об этом свидетельствуют и слова пророка Исаии: „Один скажет: „Я Господень“, другой назовется именем Иакова, а **иной напишет рукою своею**: „я Господень“ и прозовется именем „Израиля“ (Ис. 44,5).

Какова бы ни была **форма** посвящения себя Богу, все мы не можем не признавать, что самый **факт** посвящения—безусловно необходим, как **первый плод** Духа Святого; там, где нет этого посвящения, нет и любви, о которой мы говорим.

Отдача себя Богу должна быть полная, искренняя, неограниченная и добровольная; она должна сопровождаться глубоким смиренным сознанием нашего недостоинства, простой верой в силу Крови Христовой, чрез которую мы имеем доступ к Богу, и чувством непосредственной зависимости нашей от Духа Святого, дарующего нам силу исполнить принятые нами решения. Надо отдать себя Господу Иисусу, стать его „собственностью“, быть Ему послушным, чтобы, если нужно, даже умереть за Него.

Мы должны быть готовы, как Мария, разбить свой „алавастровый сосуд у ног Его“; как Авраам—принести Ему в жертву „Исаака“ нашего, наше все самое дорогое в жизни; должны, как апостолы—отречься от всякого земного покоя и удобства по первому требованию Христа; как

Моисей—оставить все „египетские сокровища"; как Даниил—с готовностью, терпя за веру, быть брошенными в ров львиный и, как три отрока—в печь огненную.

Недопустимо, чтобы подобно Ананию, мы „удерживали часть цены" того „имущества", которое отдаем Богу, и, сначала решившись быть последователями Христа, изменили Ему, „возлюбив нынешний век", как Димас.

Мы **все** получаем от Христа, и **все** свое должны посвятить Ему. Во всякой церкви есть такие члены, которые в известный момент своей жизни искренно решаются отдать Христу самих себя,—свои силы, способности, состояние; но с течением времени они постепенно ослабевают, и, в конце концов,—только малую долю уделяют делу Божию... Остаток времени, остаток средств... Жалкие остатки всего того, что почти целиком пошло на удовлетворение разных чистоземных потребностей. Неужели же **в этом** может выразиться преданность Богу? Невольно спрашиваешь себя: да **искренно ли** было вообще их желание посвятить себя Ему? Не было ли тут лицемерия?

Понимают ли они, **что сделал** для людей Христос?

Действительно ли „обратились" они к Нему? Обновилось ли сердце их?

Пусть сами они ответят на эти вопросы.

Настанет день, когда всем нам придется отдать отчет перед Судьей своим, и надо всегда помнить, что Господь „ненавидит уста лживые". А разве не „ложь",—если мы исповедуем то, чего не проводим в жизни? Лжец - тот, кто не „всем разумением своим" служит Господу. Господь порицает тех, кто „ни холоден ни горяч". Если мы на половину только служим Ему, мы, значит, именно такие.

Не накажет ли Бог за то, что мы не выполняем обетов наших? Что лживо исповедуем Христа? Нельзя безнаказанно оскорблять Его. Нельзя изменником быть по отношению к Нему.

Да поможет нам Господь быть осмотрительными!.. Мы просим помощи Духа Его Святого. Пусть даст Он нам силу жить как подобает „воскресшим из мертвых"!

Если же и впадем мы в грех, если не сумеем исполнить воли Его—смиренно сознаемся в своем бессилии и будем молить: Господи! Направь! Помоги!

Будем стремиться к „совершенству", которое есть результат полного посвящения себя Богу.

2. Второе проявление благодати Божией в душе человека—следующее:

Любовь ко Христу должна нас сделать „осмотрительными, из опасения оскорбить Его" (Весли). Особенно должны мы стараться не огорчать Господа своими поступками.

Когда мы принимаем у себя в доме особенно нам дорогого гостя, как желаем мы угодить ему! Как боимся чем-нибудь обидеть! И как бывает нам неприятно, если что-нибудь вызывет его неудовольствие...

Так относимся мы к своим земным друзьям.

Насколько же больше должны мы быть внимательными к Богу—небесному нашему Другу! **Что** Он любит, **чего** Он от нас хочет—мы знаем хорошо. Верующий духовно-здоровый человек отлично отдает себе отчет, если случается ему нарушить волю Божию. Он чутко избегает всякого прикосновения ко греху. Даже делая что-либо хорошее, он опасается, как бы малейшая тень зла не легла на его поступок.

Это чувство страха, как бы „не поскользнуться“—весьма характерная черта в жизни верующего человека. И напрасно этой добродетели придается, обыкновенно, меньше значения, чем другим хорошим качествам: она представляет собою один из самых желанных „плодов духа“. Если ее в человеке нет, это указывает на понижение его духовного уровня.

Неосмотрительность бывает пагубной для души; самоуверенность и необдуманность подобны разъедающей, разрушающей душу язве.

„Самонадеянность“ ведь не то же самое, что „мужество“.

Не будет недостатком мужества, если человек **осторожно** „ходит перед Богом“: напротив—это только способствует его духовному развитию и предохраняет его от опасностей.

Если мы, действительно, проникнуты духом Христа, то мы любим все, что любит Он, и отвращаемся от зла потому, что Он—воплощенное добро и чистота.

Один проповедник пишет: „Если кто-нибудь рассчитывает на прощение грехов ради заслуг Христовых, не испытывая при этом ни огорчения, ни стыда, ни ненависти **к греху** во всем безобразии его, я, нимало не сомневаясь, считаю ожидание этих людей—напрасной самонадеянностью, угрожающею вечной гибелью их бессмертной душе“.

Любовь ко Христу есть „лучшее противоядие против идолопоклонства“, потому что она не допускает, чтобы кто бы то ни был занял престол, принадлежащий Христу. Верующий не дерзает впустить соперника Христа в сердце свое: чрезмерная привязанность к твари земной была бы оскорблением Ему. Если человек отдал себя Господу безраздельно—душе даже и **не захочется** искать чего-нибудь иного.

3. **Если мы любим Господа Иисуса**, **мы будем повиноваться заповедям Его.** Самонадеянные и поверхностные люди, считающие себя друзьями Христа, воображают, что достаточно уметь плавно о Нем говорить... больше ничего, будто бы, и не требуется! Но смиренные, искренние и верные почитатели Господа не довольствуются словами: они хотят творить волю Его. Как любящая жена подчиняется мужу из любви к нему, так искупленная Иисусом душа из-за любви к Нему рада исполнить заповеди Его. Это чувство делает легким исполнение всякого долга; даже если работа сама по себе скучна и утомительна,—благодать небесная облегчит нам выполнение ее, напоминая нам, что благо нам страдать для Господа. Любовь заставит нас повиноваться всем заповедям, и победит в нас тот **мятежный дух сопротивления**, который так часто мешает человеку признавать многие заповеди Божии, и заставляет его подчиняться только тем из них, которые он считает необходимыми.

Любовь не только руководит поступками, но она **исполняет собою весь дух наш,** пленяя его в послушание Христу и давая сокровенному человеку нашему сознавать всю необходимость подчинения Богу **новой** природы нашей.

Правда, прежняя испорченность еще существует. Но человек, сознавая это, борется с нею. Он хочет повиноваться закону **духовному,** и не дает воли своей **плоти.**

Эта борьба плоти с духом бывает очень тяжелой и упорной. Человек **хочет** творить добро, но всевозможные причины,—и внешние, и в нем самом—отклоняют его от пути.

И единственное, что в борьбе этой помогает одержать победу,—это любовь наша к Христу. Она не только помогает одолеть наши дурные наклонности, но и **утешает** и **возвышает** нас.

Самое незначительное дело наше становится тогда делом почетным.

Еще язычник Сенека воскликнул однажды: „Deo servire est regnare“.—„Служить Богу — значит царствовать“. Обновленный человек радостно сознает, что повиноваться Богу для него — высший почет. Быть смиренным и послушным учеником милостивого Друга для него не только кажется **благоразумным,** но и **почетным.** Блаженство его было бы неполным, если бы не было ему случая доказать Богу свое послушание: его любовь требует **деятельности:** он молил бы Господа дать ему дело, если б его у него не было, потому что дело Божие является для него не трудом, а преимуществом.

Так всегда бывает в начале духовной жизни. Хорошо, если бы такое состояние человека продолжалось всегда!..

В ту пору — как мучительно бывает сознание, что не выполняешь всего, что Бог велит, делаешь не то и не так, как бы следовало. Ну — а теперь? Каково теперь наше состояние? Так же ли мы парим в духовных высотах?..

Нет!.. Опустились наши крылья, читатель! Чувствуете ли вы это? Но разве Спаситель не тот же и теперь, каким был тогда? Почему же охладела наша любовь к Нему?

Будем просить Духа Его Святого: пусть поможет он нам — глубже вникать в дела Искупителя, чтобы вновь загорелась в наших сердцах любовь к Нему!

4. **Любовь ко Христу заставляет нас выступать на защиту Его пред врагами Его.** Истинно-верующие более дорожат мнением людей о Христе, чем своим собственным добрым именем; они согласны скорее сами нести в мире бесчестие, чем видеть бесславие Христа. Иначе и быть не может. Мог ли бы назвать себя моим „братом“ человек, молча слушающий, как меня обижают или злословят? Не доказал ли бы он этим отсутствие в сердце своем любви ко мне? Как может друг не замолвить сло́ва в мою пользу пред людьми, которые смешивают меня с грязью?

Жалок тот христианин, который спокойно выслушивает злословия и поношения Господа Христа! Лучше пусть **нас** попирают ногами — только бы превозносилось имя Господа! Нет необходимости хвататься за меч, как тогда ап. Петр, чтобы защитить Христа от врагов; у нас есть **меч духовный,** которым мы можем—и обязаны—сражаться.

Бывает, что, когда слышишь, как насмехаются над Христом, оскорбляют Его, — святыню нашу, — гнев закипает в душе, и хочется, чтоб огонь Илии сошел с неба и пал на хулителей. Но это возмущается в нас плоть наша, и гневу этому не надо давать воли.

Мы можем иначе выступать на защиту Его. Мы можем **словом примером, настроением** нашим действовать на оскорбляющих Его так, что им станет стыдно... а может быть, заставит их и призадуматься, понять, почувствовать... уверовать!

Трогательно бывает видеть, когда робкий и слабый — защищает твердыню истины: из-уст его льются не логические доказательства, не многозвучные красноречивые тирады: простая речь его так глубоко-серьезна, так непритворно-дерзновенна, в ней чувствуется такая непоколебимая уверенность, — что врагу Христа, поносящему Его, остается только замолчать. **Доказательства отсутствуют,** но **вера побеждает;** не боясь презрения и насмешек, он почитает себя счастливым, если ему удается снять хотя бы одно пятно с имени Иисуса Христа.

Всякий возрожденный чувствует так. В нем всегда есть святая решимость отстаивать и защищать достоинство Божие перед лицом всего мира. В нем — смелость отроков иудейских, которые тогда, в Вавилоне, не

устрашились огненной смерти, и говорили царю Навуходоносору: „Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, который ты поставил, не поклонимся".

Многие утверждают, что, в случае возникновения новых гонений в церкви нашей оказалось бы не много людей, готовых погибнуть на костре... Думается мне, что мнение это не основательно. Мы твердо уверены, что самое немощное чадо Христово **получило бы силу свыше** для сопротивления врагу и победоносно вышло бы из борьбы с ним. Дети Божии во все века—те же. Истинное благочестие не страшится пламени огня как в нашем, так и во всяком другом веке. Та же любовь влечет верующего человека — претерпеть мученичество; та же самая благодать поддерживает его сердце, и тот же венец ожидает его.

Мы уверены, что если когда-либо последователи Господа Иисуса будут призваны умереть на костре, — они пойдут на это с не меньшею готовностью, чем древние мученики. Любовь попрежнему крепка, как смерть, и сила по прежнему продолжает „совершаться в немощи". Это справедливо сегодня, как было справедливо и тысячу лет назад. **Мы** можем быть немощны, но сила, но **благодать Божия** слаба быть не может: она — могущественна, и человек, с помощью ее, преодолевает все испытания.

Есть еще один вид ревности по славе Христа; она свойственна всякому истинному христианину: человек остерегается, как бы словом или делом, неисполнением своего долга или впадением в грех—не обесславить святую религию, им исповедуемую. По этой причине он находится в постоянном разладе с своим греховным „я", и презирает себя, если по необдуманности своей ему случается дать врагу повод злословить религию.

Преданный друг и слуга какого-нибудь земного владыки может прийти в отчаяние, если по беспечности своей принес ему какой-нибудь вред. Так приходит в отчаяние и христианин, когда из-за непоследовательности его или оплошности хулится имя Христа и задерживается дело Его на земле.

Ревность ко славе Христовой есть верный признак полученной нами благодати.

5. **Сердечная преданность Христу возбуждает постоянное желание содействовать успеху дела Его.** В некоторых верующих она послужила причиной того святого рвения, которое давало им силу переносить гонения, преодолевать всевозможные опасности и жертвовать удобствами жизни, чтобы проповедывать Евангелие неблагодарным язычникам; они готовы были подвергнуться всяким преследованиям, готовы были даже умереть, — только бы расширялись владения Духа Христова на земле. Стремление к этому дает верным благовестникам особенную силу—возвещать всюду Слово Господне, несмотря на насмешки врагов и равнодушие друзей. Оно заставляет великодушные сердца делать щедрые пожертвования, чтобы дело Божие не пострадало от недостатка земных средств...

Тысячами различных способов рать Божия „во всеоружии Божием" сражается и сражалась во все времена, во многих местах за Господа своего!

Мало или даже совсем нет любви к Господу Иисусу в душе того, кто равнодушно относится к распространению истины евангелия Христова.

Человек, душа которого насыщена благодарностью и горит любовью к распятому Господу, плачет, видя, что враг — близок к победе, что духовный уровень людей понижается, что церковь падает. И вот—он возвышает голос, стараясь разбудить заснувших... Если старания его увенчаются успехом—с какой радостью возносит он сердце свое к Богу, прославляя Его за милости, дарованные Им церкви! Это дороже ему, чем если бы Господь оказал милости Свои лично ему.

Разумно и неутомимо будет он трудиться для Господа, смиренно сознавая, что никогда не сможет сделать слишком много или даже **довольно** — для Того, Кто отдал всего Себя для освящения и спасения людей.

Многие из нас подобны Иссахару, о котором говорится, что он „осел крепкий, **лежащий** между протоками вод",—они слишком ленивы, чтобы совершать то дело, над которым мы все обязаны трудиться неустанно: и причиною такого недостойного поведения является не то, что ревностная любовь вообще не способна человека воодушевить: дело в том, что в душе этой, хотя тронутой уже благодатью, любовь простотаки **отсутствует.**

Любовь ко Христу скрашивает и поощряет исполнение долга. Она—та **рука**, которая направляет полет стрелы. Она — главная сила, приводящая в движение весь механизм нашей жизни, когда мы хотим исполнять долг наш.

Любовь заставляет нас „пламенеть духом". Она есть сущность верного служения Богу, она—то́, что дает нам духовную мощь. Только, когда она горит в нас, можем мы жить благочестиво.

Если у человека в сердце есть любовь — он не в силах оставаться в бездействии, как не может не трепетать осина при малейшем движении воздуха. Скорее сердце перестанет биться, чем любовь, которою оно полно—действовать. Любви присуща деятельность, она не может не проявляться. Она возбуждает энергию, героизм. Сколько великих дел творятся любовью!

Великая тайна любви — эта сила ее превращать горькое в сладкое, страдание — в радость, смерть — в жизнь. Чистое око любви видит все в свете славы Христовой, и ценит все дела сообразно тому, как относятся они к прославлению Его. Человек считает ничтожным и ненужным все, что этому прославлению не способствует.

Любовь ко Христу—как свет—освещает путь. Как свежий ветер—дает силу уставшему, измученному неудачами и трудами.

Я думаю, что многие из нас знают это святое, чудесное чувство, когда мы на **все** готовы, только бы послужить Духу Святому и славе его на земле?

Будем молиться: да дарует „Отец светов" больше любви Церкви Своей к Главе ее; тогда она проявит и ревность, и доблесть, и выдержку, и будет прославлен Господь на земле.

6. **Замечательно, что горячая любовь к Господу Иисусу дает нам силу переносить все, что Ему благоугодно бывает возложить на нас.** Любовь — мать покорности: мы охотно подвергаемся ударам, нам наносимым любящей рукою Господа Иисуса, когда сердце наше полно любовью к Нему. Мы знаем, мы верим, что **напрасно** Он нас не огорчит, и что, лишив нас чего-нибудь — непременно этим самым приносит нам пользу.

Если веришь, что рану наносит рука Божия—то это отнимает всякую боль... Мы благоговейно целуем эту руку, и—смиряемся.

Один убежденный христианин, пострадавший за веру и заключенный в тюрьму, так писал о вере своей в любовь „сладчайшего Господа Иисуса“, и о своей покорности воле Его: „Чем я только не обязан страданиям Господа моего Иисуса! Как совершенно убедился я теперь в том, что „пшеницу“ надо **„размолоть“ жерновом** Христа для того, чтобы из нее вышел хлеб для личного Его употребления! **Вера испытанная — лучше веры простой;** она—уже начало славы. Когда Христос **благословляет нас, возлагая на нас кресты,** кресты эти говорят нам о любви Его, о Его мудрости, благоволении и попечении о нас. Зачем буду я страшиться ига Христова, бояться того плуга, который проводит глубокие борозды в душе моей? Я знаю, что Христос—умелый земледелец,—Он сделает все, чтоб получить обильную жатву. Да! Пусть истощенная почва снова сделается плодородною, чтобы могла она принести плод Тому, Кто ее обработал! Пусть даст Ему обильную жатву эта только что возделанная Им нива. Зачем я (безумец!) огорчался, когда он увенчал главу мою страданиями, которые представляют собою славу и честь верных свидетелей Его? С этой минуты я не буду больше скорбеть, когда посылает Он мне испытания. В действительности — ничего и не потерял я, страдая! Христос и не отнял от меня ничего. Потому что радуются и торжествуют „сокрушенные“ Им „кости мои“, и это с избытком награждает меня за все!“

7. Не хочу утомлять читателя, удлиняя этот перечень „драгоценных плодов, созревших на солнце любви“. Я ограничусь еще одним только замечанием: залитая благодатию душа стремится к **полному уничтожению в себе эгоизма, сосредоточивая во Христе все свои радости, делая Его Одного—целью своей, своей вожделенной надеждой.** Душа, избравшая Христа центром всех своих стремлений, всей деятельности своей, обладает высшею степенью духовности.

Великого просим мы у Бога, если выражаем нашу готовность — сораспяться Христу!

Высшее, человеку доступное, благо — не иметь никаких желаний, никаких мыслей, никаких стремлений **вне** Христа; когда человек чувствует, что самая смерть была бы для него блаженством, если бы он мог умереть за Христа; что ради Христа — нужно жить и в бедности, и в горе, и в презрении, и в нищете, и в унижении. Великое счастье, если человеку безразлично, что́ бы с ним ни случалось,—только бы был возвеличен Господь наш.

Пусть мы — как сухие листья, ветром гонимые! Нам нечего тревожиться о том, куда мы несемся, потому что ничего нет случайного и бессмысленного в этом „полете“ нашем: мы знаем, что осуществляем волю Божию.

Пусть острые орудия в руке Божией шлифуют и отделывают нас,— телесные, грубые камни. Пусть, очищенные от коры, засверкаем мы, как алмазы, всеми своими гранями, и отразим собою свет Божественный!..

Тот из нас, который достиг сладкого чувства самоуничтожения, самоотречения, ярко ощущает этот свет... О Господи, я **вижу** лучи Твои! Они заливают душу мою, поглощают тьму, в которую она была погружена... Живи во мне,—вот все, чего я прошу, дабы жизнь, которою я живу во плоти, была **не моею уже,** но **Твоею жизнию во мне,** дабы вместе с апостолом Павлом я мог вдохновенно сказать: „Для меня жизнь—Христос“.

Быть на небе—значит всецело окунуться в океан воли Божией, значит быть в полном согласии с Его предначертаниями; поэтому не

трудно убедиться, что в только что описанных нами стремлениях—истинный залог наследия Божия; они—суть верные признаки подготовления к принятию его.

Теперь спрошу я вас, читатель: как вы ко всему этому относитесь? Стремитесь ли вы душой к правде и истине Господа Иисуса? Или же все это чуждо вам? Если не горите вы еще **любовью** к Господу Иисусу—подумайте об этом хорошенько. Вдумайтесь во все, что Он из Себя представляет, в то, что Он для людей сделал—и смирите свое сердце перед Ним. Благодать Божия поможет вам обратиться к Нему.

Но, может быть, все-таки в душе вашей уже есть некоторые задатки истинной веры; вы разделяете хотя бы некоторые из описанных нами чувств; только сомневаетесь, любите ли вы Христа, как должно, и боитесь, что—нет. Что же, однако, заставляет вас так думать?

Смущает вас, вероятно, тот факт, что вы сильно привязаны к своим родным и друзьям, и привязанность эта, как будто, стоит на первом плане, заглушая любовь к Христу. Вы боитесь, что творения вам дороже Творца, интересы земные дороже интересов духовных, и, поэтому, считаете, что любовь ваша ко Христу—одно лицемерие, что вы—человек плотской, и что нет любви Божией в сердце вашем.

Ведь—так?..

Я далек от желания—поощрять греховные вкусы или умалять бесспорные ошибки, в которые впадает человек; но в то же время я глубоко убежден, что **нельзя не любить** людей, что **грешно** не любить их и не заботиться самоотверженно о близких своих.

Не было ни одного святого, который горячо не любил бы, который рано или поздно не имел бы сильной привязанности к какому-нибудь созданию Божию. Что же: и **его** любовь ко Христу была, значит, тоже лицемерием?

Конечно—нет. Все дело в том, какое место в сердце занимает любовь, а не в том, насколько она горяча. Один писатель [1]) очень метко об этом говорит так: „Как укоренившаяся в сердце злоба доказывает бо́льшую ненависть, нежели внезапная хотя бы и более сильная вспышка гнева, так и любовь следует нам измерять не силою ее порывов, но **глубиною** ее корня и **постоянством** ее дел. Судя по тому, как Давид плакал и рыдал об Авессаломе, Иоав пришел к заключению, что „если бы Авессалом остался жив, а весь народ умер, Давиду это было бы приятно“ (2 Цар. 19, 1—6); как нелогично было суждение военачальника!..“

Если любовь ваша к Богу, к правде Его—устойчива, если она руководит поступками вашими и мыслями—вы не должны в ней сомневаться! Не надо мучиться тем, что любовь ко Христу не горит в вас каким-то всепоглощающим пламенем, или не вспыхивает внезапно и неудержимо. Этого надо даже опасаться: в таком порыве может быть даже нечто и **не духовное. Истинная благодать** может обитать в сердце незаметно. „Благодать никогда не обнаруживается и не чувствуется, пока она не проявляется в поступках [2]).

Надо **ударить** по кремню, чтобы появилась искра.

В душе человека таится много такого, что самому ему может быть и не видным, и это относится как к хорошим свойствам, так и к дурным. Греха своего часто человек в себе не замечает: может не знать он

[1]) **Флавэль.**
[2]) **Бакстер.**

и того, что глубоко в сердце его таится любовь к Богу... Но—настанет благоприятный к тому момент—и любовь эта проявляется, выражается в действии...

Сколько живых существ скрывается летом в лесу или в лугах! Но пока они притаились, не двигаясь,—кажется, что их будто бы и нет совсем... Так и чувства наши, таящиеся в душе, не видны, пока не обнаружатся поступками

Человек, достигший такой духовной настроенности, действительно „вошел в покой". Ему безразличны и похвалы и порицания людские, потому что он убедился, что похвал добиваться не стоит, а порицания людей его обидеть не могут. Он неуязвим, с тех пор, как личность его более не существует, потому что он теперь как бы слился с делом и личностью Христа. Пока в нас остается еще хоть малая доля эгоизма, он будет всегда омрачать наше единение со Христом, и к радости нашей неизбежно будет примешиваться скорбь. Мы должны „докопаться" до самых „корней" нашего себялюбия, чтобы найти тех червей, которые подтачивают наше счастье. Душа верующего всегда будет стремиться к невозмутимому спокойствию, связанному с беспрекословным повиновением Христу, и никогда вполне не успокоится, пока не погрузится в океан Божественной любви. **Полное посвящение** себя Спасителю—есть ее **нормальное** положение, и всякое уклонение от этого состояния влечет за собою мучение ее, причиняет ей духовное недомогание.

Путь к „высотам" проходит через самоотречение. Умаляясь—человек возносится до высшего духовного просветления. Большинство людей заражено желанием — **извлекать** себе пользу из жизни своих ближних, чтобы самим ярче светить теми лучами, которые они от них заимствуют. Но христианину, наоборот, свойственно — **отдавать** другим свет свой, а самому—исчезать в свете славы Владыки своего и Спасителя.

Гордые мира сего мечтают о том, чтобы имена других людей терялись перед их собственными почетными титулами. Любящие Бога желают одного: чтобы их имена представляли собою только малые буквы в светлых летописях о делах Господних.

Если мы поступаем, как христианину следует поступать, если в действиях наших чувствуется дух Божий—не надо думать, что мы **не любим** Христа, **не верим** в Бога...

А **мало** любим, **мало** верим?...

Да, может быть. Но тогда раздуем эту „малую искру" в себе, чтобы она разгорелась ярким пламенем.

Любите так, чтобы **почувствовать,** что любите.

Старайтесь сохранить те дары, которые Господь вручил вам,—пребывая в непосредственной близости к Нему. Вспоминайте чаще о любви Его к вам—это увеличит вашу любовь к Нему.

Кончаю. И молю милосердного Отца нашего, чтобы Он принял любовь нашу—как принял уже нас самих—„в Возлюбленном". Смиренно просим мы, да осенит Он нас благодатью Духа Его Святого, дабы соделаться нсовершеными в любви, чтобы мы прославляли Того, Кому **отдаем теперь себя** в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения нашего.

К необращенному читателю.

Опять обращаюсь я к вам; вы—все еще на том же месте, на котором я вас оставил? Вы все еще не имеете надежды, все еще не получили прощения грехов?

Но что же ощущаете вы, когда читаете о том, как благодать Божия действует в человеке, получившем ее? Духовный опыт таких людей вам не понятен... Или вы даже и **не чувствуете** ничего, как камень?..

Но Господь может и каменное сердце—смягчить. Он тронет его Своею благодатию—и изменится оно, и вздрогнет в ответ на прикосновение Господне, и почувствует Его. **Один Он** может это сделать. Никакая собственная сила человека!

Если вы сознаете, что положение ваше печально—то это уже очень хорошо. Сознавая—можно из этого положения и выйти... Пусть только благодать Божия коснется вас!

Подумайте: ведь мы все—всецело находимся в руках Божиих. Постарайтесь это понять. Постарайтесь **ясно** сознать, что вы находитесь в полном распоряжении Бога. Это должно вас **смирить,** должно вас **победить.** Смиритесь же под крепкую руку Божию!

Признайте Его силу—оживотворять, спасать, направлять людей...

Не думайте, что спастись можно **делами,** и что **с этого надо начать.** Когда вы наблюдаете верующих, чистых, нравственных людей, видите их добрые дела, поймите, что **не из-за этих дел** получили они благодать Божию, а наоборот: **корень** всей их жизни духовной—**есть именно эта благодать.** Это дар Божий, ничем, никем не заслуженный.

Через Христа получаем мы его, и **только** через Него.

Отдайте же душу вашу в Его руки!

Уверуйте в Господа Иисуса Христа—и спасетесь.

Кто в минуты роковые,
Если сердце полно муки,
Уврачует раны злые
И протянет братски руки?..
Кто поймет души желанья,
В тесноте—простор откроет,
Даст надежду ожиданьям,
Ободрит и успокоит?
Скажет: „друг мой, не печалься
И не падай ты душой!
В жизни, где-б ты ни скитался,
Я везде пойду с тобою!“
Если близкие забудут,
И покинут в испытаньи,—
Кто с тобою все-ж пребудет
До конца твоих страданий?..
Кто в любви не изменяет,
Остается верен слову,
И сомненья разрешает,
И внимает в горе зову?..
Лишь один есть Друг—Господь!
Он и верным пребывает,
И в любви не изменяет,—
И желанья Он поймет!..

И. Дзыгал.

---

* * *

Иер. 8, 7.
Иов. 12, 8.

Посмотрите: птицы,
Сплетшись в вереницы,
По небу несутся в беспредельность, „в даль"...
Дальше от былого,
Близкого, родного, —
Ближе к неизвестности... Ничего не жаль!
Впереди все ново...
И закат огневый
Их находит спящих не в своем гнезде...
Но победно пенье,
Неустанно рвенье,
В взмахах крыл—горенье... в небесах, везде!..
И не жнут, не сеют,
Житниц не жалеют...
Оставляя заднее,—к вешнему летят!
Стройностью полета,
Убеганьем гнета, —
Что они вещают? Что сказать хотят?..

П. Вольнин.

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ.

Взгляните на птиц небесных. Мф. 6, 26.

Перелетные птицы вихрем проносились над селами, городами и посадами... Родные поля и леса, тихое веянье ветра и, несмотря на осень—теплое еще солнце—манили их несколько задержаться в дороге, отдохнуть... Но нельзя: им надо торопиться. Они дружной семьей летели с холодного севера на жаркий юг, и — то опускались ниже к земле, и вихрем пролетали над нашими головами, то стрелой взвивались к заоблачным далям... На юг! От наступающих здесь холодов — в теплые, прекрасные места, где серебристый плеск моря будит к новой жизни, где солнечные лучи в изобилии посылаются на всё творение, где богатая растительность, испещренная цветами, выделяет из себя нежные благоухания.

Как легко они летят! Как красивы их движения! И, глядя на это их стремление к далекой цели,—невольно и мы устремляемся мысленно к **нашей** далекой цели — к тем „высотам", где сонмы ангелов поют новую песнь Агнцу, и где Сам Господь утешает и услаждает неизреченной радостью тех, кто изнемог и устал на тернистом жизненном пути.

„Кто дал бы мне крылья, как у голубя? Я улетел бы, и успокоился бы"... „Надеющиеся на Господа... поднимут крылья... потекут, и не устанут"...

О, дай нам, Господи, силы!.. Дай нам силы, чтобы мы могли взмахнуть крыльями веры—и чистыми мыслями подняться в иной мир—мир красоты и блаженства, с песней хвалы нашему дорогому Иисусу Спасителю!

Есть одно древнее сказание: будто бы птицы были созданы **без** крыльев; они, не удовлетворяясь беганьем по земле, обратились к Творцу, прося дать им возможность летать, и — Он дал им крылья. Но вначале им только тяжело было от них, и лишь постепенно привыкли они владеть ими.

Брат! Не похож ли ты на птиц этого сказания? Твое сознание было озарено стремлением к высшей, небесной жизни; тебе были очевидны все милости, все богатства Царствия Божия, и ты, лелея мечту о присутствии в жизни твоей Отца Небесного — стал искать пути к Источнику света и жизни. Но ты убедился, что у тебя нет сил, ты увидел себя связанным грехами и окруженным идолами различных наименований. Крылья твои были опутаны, подняться было не на чем! Положение твое было отчаянное... Тогда ты решился искренно исповедать свой грех и молить о помощи,—и вопль твой был услышан: Господь Спаситель крепкою рукою поднял тебя — „дал тебе крылья" — и перед тобой открылся необъятный духовный мир... Ты, осененный, можешь видеть „ангелов", поднимающихся по „лестнице Иакова"... Тебе представляется возможным и самому подниматься все выше и выше, чтобы, в конце концов, увидеть славу Божию...

Стремишься ли ты, душа, к этому „полету ввысь"? Или ты, как многие, **имея** крылья, все-таки только ходишь „по земле", и все интересы твои—тут „внизу"?.. Если так, то я хочу сказать тебе предостерегающее слово: ты задохнешься в лабиринте материальных интересов и земных увлечений! Ты подвергаешься опасности на каждом шагу, при каждом движении!.. Нельзя быть настолько наивным, чтобы воображать, что грех—далеко: враг души нашей незаметно набрасывает на нас сеть искушения, и в удобный момент без труда душит нас.

Зачем менять вечное—на преходящее? Благословение—на чечевицу?

Разве пролитая на Голгофе кровь спасла человека для того, чтобы он потом жил недостойной, плотской жизнью?.. „О горнем помышляйте", говорит апостол. Нельзя уподобляться кроту, роющему землю, когда можно летать, как птицы... Зачем жить в тесной конуре, если есть необъятная высь, и ширь, и даль?.. Люди сами себя сажают в клетки, и жиреют, и тучнеют в плотских удовольствиях... Я видел орла, запертого в клетку, и подумал: разве тут твое место?.. Нет, нет! Стихия орла—горные высоты, широкий небесный простор.

Орленка поймали, и держали в клетке; а потом — хозяин решил выпустить его на волю, и открыл дверцу. Но орленок долго не решался вылететь: он так свыкся со своей обстановкой, что ему казалось, что клетка его—весь мир. И только когда луч солнца осветил ему голову,—он встрепенулся, взмахнул крыльями—и понесся в родную стихию, в заоблачные дали.

Нельзя ограничиваться душе человеческой только **сознанием своего спасения**: ведь стихия наша—небо, духовный мир. Чем выше—тем душе лучше, тем свободнее.

Необходимо оставить половинчатую жизнь. Надо разорвать все путы, которыми противник связал нас, мешая подняться к небесам. Надо пасть на колена и покаяться.

Брат! Было время — ты высоко парил в духовной своей жизни. Вспомни первую „встречу" свою с Господом! Ты был „светом", был „солью" для всех окружающих... Ты, стряхнув прах греха, высоко поднимался над землей. Прелести мира сего не имели цены в твоих глазах, стихия твоя была — „небо". В душе твоей постоянно звучала песнь: „К миру, покою, стремлюсь я душой"... И сколько раз ты среди глубокой ночи вставал с постели, падал на колени, и возносился к Богу на крыльях молитвы...

Но ты не заметил приближения врага... Подкрался он — и ранил тебя в самое сердце. И обессилил ты, и крылья твои больше не поднимают тебя.

Не может летать раненый в сердце орел! Исчезло для него все счастье полета в беспредельную даль... Все погибло для него...

Но для тебя, если ты и „ранен" — **не все** погибло. У нас есть Целитель, Который уврачует так, что и следа, и признака раны не останется. Он вновь даст тебе силы, и ты опять сможешь подниматься ввысь, туда—к небесным высотам.

Только Господь ставит условие: непременно нужно разрушить **все гнезда** грехов, которые живут в тебе: равнодушия, капризов, эгоизма—и тогда струя святой Крови смоет все нечистое.

Надо подниматься выше. Смотрите — вот чуть заметная точка в облаках: это птица поднялась так, что ее не достигнет никакой выстрел. Опустится она ближе к земле—и пуля легко попадет в нее.

Будем же стараться выше летать, брат мой! По мере упражнения крепнут крылья и летать делается все легче. Будем внимательны, будем осторожны... Знаете — на высоких горах, где накопляется много снега, надо быть настолько осторожным, чтобы даже **не говорить громко**: иначе могут обвалиться массы снега и наделать больших бед. Так и мы: чем выше мы, в духовном отношении, стоим — тем осторожнее должны быть.

Я шел однажды по тропинке в гору. Разразилась гроза: гремел гром, сверкала молния. Но чем выше я поднимался, тем тише делалось вокруг, и когда достиг вершины—там грозы не было: над головою сияло голубое небо, а глубоко внизу, в тучах, все время сверкала молния и слышались раскаты грома.

Хорошо „наверху"! Там „нет тьмы, ни гроз", ни раздора, ни шума. Покой, тишина, мир царят там. Там мы отдохнем, наберемся сил для дальнейшего своего пути — к полному освящению.

Есть много детей Божиих, которые живут высшей духовной жизнью. Они умерли для греха. Их уже ничто не волнует: ни измена друга, ни болезнь, ни смерть любимого человека. Они—свободны. Свободны в Господе, свободны от плоти...

Кто из нас сумел уже высоко подняться над бездной, поборов встретившиеся на пути ураганы — тот должен стремиться еще выше, подниматься в служении Господу, в вере, молитве, любви, туда, куда восхищены были Енох и Илия... Еще сильный взмах веры и пламенной молитвы—и мы вознесемся туда, где сияет свет неприступный, и где, окруженный сонмом ангелов, с Сыном Своим возлюбленным, обитает Сам Господь Бог.

Вл. Дубровский.

I.

Вернулся из странствий далеких
К родимой потерянный сын,
Изранен до крови о камни,
О терны соседних долин.

„Где был ты?"—спросила родная.
„Куда ты поехал, мой сын?
В ту ночь непогода шумела...
Зачем ты поехал один?"...

„Родная, стремился я к благу,
Я братьям измученным нес
Так много святых упований,
Так много восторженных грез!"

„Зачем же твой плащ весь изорван,
И руки и ноги в крови?
Ужели, мой сын, не осталось
Для правды у мира любви?"...

„Родная, мир правде не внемлет,
Жестокую ложь полюбя...
И был я оставлен в пустыне,
И ощупью шел до тебя"...

II.

Молился он страстно, и верил глубоко,
И полночь в пустыне застала пророка;
И не было близко селений вокруг,
И сердце сгорало от зноя и мук...

Ночь гневно грозила нависшею тучей
И молнии пламя сверкало, сыпучий
Песок озаряя пустыни глухой,
Как взор оскорбленный над хмурой землей...

И был он один,—среди молний и бури,
Один под грозою беззвездной лазури,
И Богу, принесшему миру покой,
Молился о мире смятенной душой.

К. Фофанов.

ЧУДЕСА ПРИРОДЫ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ.

М. Кильбёрн.

ПЯТЬ НАШИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

Отчего так много экипажей и такое множество людей видим мы пред входом того здания? Знаменитый художник выставил в нем свою новую картину, и народ стремится, чтобы полюбоваться талантливым произведением искусства. Все о нем говорят, все им восторгаются. Всякий мало-мальски образованный человек считает своим долгом взглянуть на эту картину и высказать свое мнение о ней. Никто не жалуется на недостаток времени; всякий находит возможность уделить час осмотру картины, и не хочет упустить случая с нею познакомиться.

Художественное произведение, созданное рукою человека, все мы рассматриваем и восхищаемся им... Почему же проходят для человека незаметными чудеса, созданные рукою Божией? Не прекраснее ли, не величественнее, не интереснее ли они знаменитейших человеческих произведений искусства? Если образцовые произведения людей заслуживают нашего внимания, не гораздо ли для нас важнее — изучать дела Знаменитейшего из знаменитых, Величайшего из великих, — дела Самого всемогущего Творца? Не долг ли, ввиду этого, каждого из нас — найти время, чтобы познакомиться с Божественными проявлениями природы и ее чудес? Что это долг наш, это нам подсказывает не только наша мысль, но и Слово Божие. Последнее указывает нам *пять обязанностей*, которые мы имеем по отношению к делам Божиим.

I. Прежде всего мы *должны замечать* чудеса Божии в природе, т. е. останавливать на них наше внимание, и о них размышлять. Псалмопевец старается обратить наше внимание на дела Господни: «Как многочисленны дела Твои, Господи!» (Пс. 103, 24). И не только он: *Сам* Господь велит людям не оставлять незамеченными чудеса природы. Так, например, Он указывает Иову на различные явления природы, — на звезды небесные, на моря, на свет, на дождь и снег, на различных животных земли. И то, что делал Бог Отец — в Ветхом, то же делает Господь Иисус и в Новом Завете: Он также обращает внимание учеников Своих на чудеса, рассеянные повсюду в природе, приказывая им размышлять о птицах небесных и о цветах полевых. Этим Он нам ясно показывает, что Ему благоугодно, чтоб мы уделяли свое внимание чудесам природы. Эти чудеса всюду окружают нас; астрономия, зоология, физика и химия, геология и ботаника — все науки вещают нам о них. Если все произведения великого художника, с первого до последнего, заслуживают нашего величайшего внимания, тем более внимания со стороны детей Божиих заслуживают все дела Бога нашего. Будем же, согласно с волею Его, замечать дела Его, в какой бы области они ни проявлялись, останавливая взоры наши на всем, что создала рука великого Божественного Творца.

II. Далее следует *запоминать* чудеса Божии. «*Вспоминайте* чудеса Его» (в еврейском подлиннике «*запоминайте*»). «Памятными соделал Он чудеса Свои» (Пс. 104, 5; 110, 4). Если мы не должны забывать произведений великих мастеров искусства, насколько же более следует нам запечатлевать в памяти дела великого Бога! Наш Бог хочет, чтоб мы их помнили. Существует ли в мире что-либо лучшее, более прекрасное и возвышенное, более достойное запечатлеться в нашей памяти чем то, что вызвал к существованию Дух Божий? Этот второй наш долг тесно связан с первым; потому что, если мы часто и внимательно вникаем в Божественные чудеса природы, тогда они глубоко и запечатлеваются в памяти нашей, и мы будем тогда в состоянии исполнить волю Божию, запоминая Его чудные дела.

III. В чем заключается наш третий долг, об этом говорит нам Спаситель; приведя в пример одно из чудес природы, Он нам велит не только его заметить, но и *вывести заключение* из нашего наблюдения. «Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает,—кольми паче вас, маловеры!» (Матф. 6, 30). «**Невидимое** Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез *рассматривание* творений видимы (Римл. 1, 20). Как произведение обнаруживает личность, талант и особенности, чувства и мысли его создавшего художника, так являют нам чудные творения Божии Божественные свойства, силу, чувства и мысли своего великого Творца. Если мы хотим лучше познать нашего Бога, не будем упускать случая замечать, какие новые особенности Божественного характера, какие новые чувства Божественного сердца обнаруживают нам отдельные чудеса природы, и какие заключения мы из этих наблюдений можем вывести. И не только лучшему познанию великого Бога содействуют нам чудеса природы; они поясняют нам также и *духовные* истины Божественного Слова, давая нам возможность вникать в его глубину. Как, например, ярко сравнение сил и свойств воды—с реками «воды живой», или семени растения—с семенем Слова Божия! Более ясному уразумению свойств последних помогает нам основательное познание первых. Сам Спаситель указал нам этот метод познания истин духовных, часто приводя в пример чудеса природы, как символы глубоких духовных истин, таким путем поясняя видимым—невидимое. Не следует ли и нам делать то же самое?

IV. Пример Господа Иисуса напоминает нам и четвертую нашу обязанность по отношению к чудесами природы: откровения и назидания, нами из природы почерпаемые, должны *оказывать влияние* на духовную нашу жизнь. «Не заботьтесь для души своей... взгляните на птиц небесных. Об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут?» (Матф. 6, 25—28). Вникая в назидания, нами извлекаемые из наблюдения чудес Божиих, мы не только получаем от этого пользу и пищу для разума: это может благотворно повлиять и на всю нашу внутреннюю жизнь, обновить и укрепить ее. Все, от Всемогущего исходящее, обладает чудной, благословенной силою. Если уже изучение произведений выдающихся людей возвышает и облагораживает душу, то тем более возносят ее на высоты—творения великого Духа и святейшего сердца! Какого обилия духовных благословений лишаемся мы поэтому, если мы не находим времени прислушиваться к поучениям природы! Если мы жаждем успехов в нашей духовной жизни, мы должны не только слушать Божественные глаголы Библии, но и вникать в то, о чем нам вещают божественные дела.

V. Пятая наша обязанность, указанная нам в Слове Божием,—*свидетельство о чудных делах Всевышнего.* «Славьте Господа... возвещайте... дела Его» (Пс. 104, 1). Как грустно, что мы так много говорим о выдающихся произведениях людей, а умалчиваем о делах Божиих! Не огорчаем ли мы Создателя нашего, если молчанием обходим чудеса Его? Насколько лучше познали бы Его люди, насколько больше они славили бы Его, если бы дети Его возвещали дела Его! Решимся же с этого дня помнить повеление Божие и исполнять его, пользуясь всяким случаем, чтобы «возвещать» чудные дела Всевышнего.

С целью облегчить тем, кто этим вопросом интересуется, исполнить вышеупомянутые наши пять обязанностей, я намерен написать ряд статей. Может быть размышления мои побудят читателя внимательнее всмотреться и вдуматься в Божественные чудеса, окружающие нас со всех сторон, и облегчат ему наблюдения над некоторыми явлениями природы, как материальной, так и духовной.

Надо надеяться, что для этого найдется у него ежедневно двадцать минут свободного времени, и таким образом он, прочтя мои статьи до конца, исполнит *первую* из своих обязанностей.

Чтобы выполнить *второй* свой долг — запомнить эти чудеса, — читателю придется только в течение нескольких месяцев продолжать внимательно читать отдельные главы; тогда если не все, то во всяком случае многое запечатлеется в его памяти, и, благодаря этому, он приобретет сокровище познания целого ряда чудес природы, что ему во всех отношениях окажется полезным.

Чтобы облегчить читателю его *третью* задачу, — в конце каждой главы помещены духовные назидания, извлеченные из рассмотрения мира видимого.

То же можно сказать и о *четвертом* долге, — о применении этих поучений к духовной жизни читателя. Это особенно важно, и никоим образом не должно быть упущено из виду.

Когда читатель выполнит все эти задачи, ему уже совершенно легко будет выполнить свой *пятый* долг, — возвещать другим дела Господни: у него окажется достаточно уже большой запас материала, и ему отрадно будет говорить о Боге другим; потому что от избытка сердца говорят уста

Да поможет Господь всякому, читающему эти строки! Вглядевшись и вдумавшись в те чудеса, которые совершаются в окружающем нас мире физическом, и проводя параллель между ними и тем, что происходит в мире духовном,—пусть, путем сравнений, лучше уяснит он себе явления духовного порядка.

1. СОЛНЦЕ И ЕГО СИЛА.

Анаксагор, греческий философ, стоит пред судом. Его обвиняют в том, что он учил чему-то чудовищному, а именно, что величина солнца равняется Пелопонесу [1]). Можно ли маленькое солнце сравнить с чудным, большим Пелопонесом? Как смеет он оскорблять свое отечество!.. Анаксагор бесповоротно осужден на смерть. Но смертный приговор не приводится в исполнение: Периклу [2]) удается его заменить изгнанием из Греции (Фламмарион). Мы качаем головой, удивляясь неразумию и самомнению древних греков; но сами мы немного лишь больше знаем о солнце и, подобно им, не имеем ясного представления о его необъятной величине и его удивительных силах. Поэтому оно нам кажется чем-то обыкновенным и неинтересным. Но если мы составим себе некоторое понятие о солнце, и дадим себе отчет, что оно из себя, в действительности, представляет, тогда солнце становится в наших глазах самым важным из всех нами видимых предметов.

Если бы скорый поезд должен был пробежать по прямой линии поперек всю нашу планетную систему [3]), на это потребовалось бы 14.000 лет. Солнце находится в центре этого большого пространства и наполняет его своей силой, своим светом и своей теплотою. Ни один дюйм этого огромного расстояния не лишен непосредственного влияния солнца; тут не существует ни одного от него независящего мира; величайшие планеты, равно как и мельчайшие астероиды [4]), находятся в зависимости от его силы и света.

Для того, чтобы солнце могло оказывать свое чудесное действие, до крайних пределов своего царства, оно обладает величиною, превосходящею всякое представление. Как ни велика, по нашим понятиям, земля, — 100, 1.000, даже 100.000 подобных ей миров не составляли бы солнца; их потребовалось бы 1.200.000. Кто может представить себе подобную величину?

---

[1]) Пелопонес — полуостров на юге Греции.

[2]) Знаменитый государственный деятель в Греции, глава демократической партии (468 г. до Рождества Христова), современник философа Анаксагора. Ред. Ком.

[3]) Группа планет, вращающихся вокруг солнца. [4]) Мелкие планеты.

Это превышает человеческие способности воображения. Но не только его величина, также и *сущность* солнца остается скрытою от человека. Об этом небесном теле он знает только то, что, по всей вероятности, солнце есть исполинских размеров шар, состоящий из пылающих газообразных металлов и окруженный огненным морем горящих газов. Глубина этого великого огненного моря, из которого постоянно вырывается пламя на головокружительную высоту, достигает 50.000 миль, тогда как наибольшая глубина наших океанов составляет 50.000 *футов* (проф. Рудольф). Что такое высочайшие горы земли, имеющие 20.000 футов высоты, в сравнении с этим огромным пламенем! Оно взлетает на высоту не 20.000 футов, но 200.000 миль, чтобы затем снова упасть на поверхность солнца.

Словами невозможно описать раскаленность этого бесконечно пространного пламенного моря, глубиною в 50.000 миль. Самая маленькая частица солнечного света, падающая на поверхность увеличительного стекла в 20 дюймов толщиною, развивает теплоту, растопляющую скалы. Если уже соединение немногих солнечных лучей производит такую теплоту, то какой же жар заключается в совокупности всех лучей, которые солнце изливает на землю! Но и эта совокупность лучей—далеко не вся *полнота* их: она равняется только одной 2.000.000.000-й части теплоты, излучаемой солнцем во все стороны (проф. Баль). Чтобы произвести эту из солнца исходящую теплоту, пришлось бы всякую секунду сжигать 11 квадриллионов 600.000 тонн угля.

Если мы вдумаемся в это и дадим себе отчет, какое бесконечное, неисчерпаемое количество теплоты, столь необходимой для всего существующего, доставляет ежеминутно в течение веков и тысячелетий солнце,—мы начинаем понимать, чем мы ему обязаны (Фламмарион).

И вместе с теплотою исходит из него в таком же, никогда не иссякающем, обилии не менее драгоценный для всего живущего—свет. Как лучезарен, как ослепителен в действительности этот свет, этого не видел глаз человеческий, потому что до него доходят солнечные лучи уже далеко не такими, какими они были, выходя из солнца. Им пришлось пробежать миллионы миль, и при прохождении всякой мили, даже всякого дюйма пути, они должны были терять частицу своей лучезарности; и, несмотря на это, достигая земли, сияет солнечный свет еще так ярко, что глаз человеческий не может его вынести; в 200 раз превосходит он своею яркостью ослепительный электрический свет (Цельнер). Если уже столь ослабленный солнечный свет обладает такою силою, как же несказанно ослепителен должен он быть в своем источнике, в солнце!

Солнце не только источник *света и теплоты;* оно является еще и источником *силы* для всей обширной планетной системы. Как необъятна его величина, полнота его света и его теплоты, так же не поддается описанию и его сила. Всюду чувствуется ее присутствие; всюду, во всякое время и во всем, сказывается ее благодатное действие.

Чудесный порядок и гармония нашей планетной системы находят себе объяснение в этой таинственной солнечной силе, управляющей путями восьми больших миров; не только миры, к ней ближе расположенные, но и лежащие на отдаленнейших границах ею управляемого пространства небесные тела,—находятся в полной зависимости от этой силы.

Как на нашей земле вся жизнь, вся красота, весь рост зависит от солнца, так его деятельность влияет и на все прочие миры. Что сталось бы, поэтому, с землею, что сталось бы со всяким другим миром, если бы они могли выйти из-под влияния солнца и отдалиться от него? Не охраняемого более силою солнца, его охватил бы ледяной холод, он погрузился бы в вечную ночь; вся жизнь замерла бы на нем, и смерть постигла бы его.

Так носился бы этот мир среди вселенной, пока, может быть, не столкнулся бы с другим небесным телом, и не обратился бы в груду обломков. Отдаление от солнца повлекло бы за собою гибель мира; пребывание же на определенном пути дает ему безопасность и благоденствие.

Но каким могущественным, каким величественным ни представлялось бы нам наше солнце,—свойства его являются лишь слабым подобием свойства того, Чьим символом оно служит,—Бога, «Солнца» вечного (Пс. 33, 12), Того, Кто его вызвал к существованию.

Когда мы стараемся представить себе его величину, мы начинаем понимать всю необъятность величия его Творца; подумаем ли мы о силе солнца, — это нас наведет на мысль о мощи Божией, источнике солнечной силы, и эта мощь нам представится такой безмерной, как никогда; будем ли мы изучать свойства ослепительного солнечного света, мы составим себе некоторое отдаленное представление о Том, Кто есть «Свет истинный», Кто обитает «в неприступном свете»; постараемся ли мы вообразить себе раскаленность огненного мира солнца,—мы поймем, хотя бы отчасти, смысл стиха: «Наш Бог—огонь поядающий».

Только — «поядающий огонь» земного солнца несет не разрушение, не пагубу, но приносит жизнь, свет и теплоту всему и всем. Еще в более полном смысле этого слова является наше «Небесное Солнце» источником всякой жизни, всякой силы, всего существования. Если нет конца обилию даров земного солнца, как же неисчерпаема полнота Солнца Небесного!

Но, чтобы миры были тем, чем они теперь являются, они должны находиться в *известном отношении* к солнцу; они не смеют от него удаляться, от него отступать: оно всегда должно быть и оставаться их центром. Бог хочет быть для души тем же, чем солнце является для земли. Но для этого душа человека должна находиться в известном отношении к Нему; Он, а не наше «я», должен быть центром всего ее существа; Он — источник ее силы, ее света, ее жизни. От Него, а не от своих собственных усилий должна она всего ожидать.

Представляет ли Собою Господь Бог — центр твоего внутреннего мира, читатель мой? Чувствуешь ли ты Его—как «Солнце», постоянно изливающее на тебя спасение и жизнь? Если это еще не так, то—сделай Его твоим солнцем, всецело доверившись Ему; если же Он уже соделался Солнцем твоим—пребывай в этом, и Он осияет тебя светом Своим и сохранит тебя силою Своею.

Как описать все ужасы северного полюса? Всюду — лед; лед во всех видах и формах окружает человека. Нигде ни травы, ни куста, мало живых существ; в царстве ледяной смерти жизнь отсутствует. Другую картину представляют нам страны средних широт земли: все полно жизни; растения всех родов зеленеют, цветут и дают плод; разнообразные живые существа движутся под землей, на земле, в воде и в воздухе... Хотя и здесь есть время, в продолжение которого все замирает, и как бы смерть окутывает все белым саваном... Но существуют и такие места на земле, где царит вечное лето, где деревья достигают огромной, невиданной у нас высоты, цветы и птицы блестят разнообразными красками, и вся природа так роскошна и красива, как нигде в других странах; это—полоса тропическая...

Огромная разница существует между странами тропическими, странами средней широты и странами полярными. Чем же она обусловливается? Конечно, не свойствами земли или почвы в различных местах, но—*различным положением местностей этих по отношению к солнцу;* потому что не земля, а солнце является подателем изобилия на тропиках и в средних широтах земли. Всюду, где много солнечного света, на земле царствует жизнь, деятельность; куда не доходят его лучи или где их мало, там вла-

ствует смерть. Этот факт показывает, как все в нашем земном мире зависит от солнца. Только немногие из нас дают себе отчет, чем обязаны солнцу— растения, животный мир, земля и люди. Всем известно, что разгоняющий всякий мрак солнечный свет изливается на землю; но кто думает о том, что и все привлекательные *цвета* в природе—дар солнца? Его лучи сообщают небу его синеву, растениям дают их зеленый цвет и чудное разнообразие красок—цветам и животным.

Но не только своей красотой обязана солнцу земля. Если бы солнце ей не давало изо дня в день своей теплоты, земля обратилась бы в замерзшую массу, которая, потеряв всю свою плодородность, убила бы все в ней скрывающееся. Если бы солнечная теплота не сохраняла воду в жидком состоянии, все озера, реки, моря и океаны обратились бы в ледяные массы, растопить которые не могли бы никакие силы на земле. И, подобно тому, как весь наш большой земной шар и его состояние всецело зависят от солнца, так же зависит от его света жизнь всякого живого существа, маленького и большого, как из растительного, так и из животного царства. Теплота солнечных лучей пробуждает к деятельности бесчисленные миллионы маленьких семян: под влиянием тепла, они начинают прорастать, давать свои отростки над поверхностью земли... Как только ростки эти приходят в непосредственное прикосновение с солнечными лучами, в них образуется вещество, превращающееся в их стволе и ветвях—в дерево, в листьях—в особого рода материю, и, под влиянием солнечного света, производящее на них цветы, плоды. Без солнца не было бы этого «крахмального» вещества; без последнего—не было бы растений, без растений не было бы ни животных, ни людей, потому что питательное вещество, поддерживающее их жизнь тем или иным путем, создается солнцем.

Но солнце совершает еще и нечто другое: столь необходимый земле дождь оно заставляет, в виде паров, подниматься от морей и рек вверх, чтобы там обратиться в облака. Оно же вызывает ветер, разносящий облака над всей поверхностью земли. Оно есть источник *всякой теплоты;* потому что оно образовало дерево, идущее нам на топливо; а жар, который дает нам уголь, есть тоже ничто иное, как в течение долгих веков сообщенная ему и накопленная в нем солнечная теплота.

Таким образом, в сущности, солнечная сила приводит в движение бесконечное множество железных дорог и машины бесчисленных фабрик на земле. Да и сила, дающая возможность производить физическую работу 1.600 миллионам людей и биллионам животных, исходит тоже от солнца, потому что оно ведь вырабатывает *питательные вещества*, сообщающие эту силу мускулам.

Но солнечная деятельность чудесна не тем только, что̀ она дает, но и тем, что̀ она отнимает. Если бы на земле оставался всегда снег, лежащий на ней зимой, настал бы конец всякой жизни. Но какая же сила земная в состоянии освободить землю от зимнего покрова? Покров этот так велик, что если бы люди взяли на себя труд его удалить, работая руками, только с площади одной Финляндии, например, и ежедневно увозили бы 10.000 куб. метров снегу,—им пришлось бы работать 10.000 лет до полного исчезновения снега с этой территории. Если для очистки от снега только одной маленькой страны потребовалось бы столько времени, то сколько же тысячелетий взяло бы освобождение от зимнего покрова всех стран? Но то, что не может совершить никакая земная сила, то творит солнце: в короткое время оно уносит весь снег; в одной Финляндии оно ежедневно растопляет средним числом 124 миллиона куб. метров снега в час, пока от зимнего покрова не останется и следа. Не только снег и лед испытывают на себе всеуничтожающую

силу солнца: узнают ее также и враги человека—*микробы*, производящие всевозможные болезни. Стоит солнечным лучам притти с ними в соприкосновение—и конец их зловредной для человека жизни.

Таким образом—всею деятельностью, всею работою, всем движением, всею жизнью обязаны мы действию солнца. Бесконечное величие и разнообразие этой деятельности не поддается описанию. Она не только чудесна, но и выполняется удивительным образом. Кто может сосчитать бесчисленное множество миллионов растений земных? Но как ни необъятно число их, ни одна травка не забыта солнцем. Оно посвящает свой труд не только всему миру *вообще*, но и всякой из них в *отдельности*. Оно действует бесшумно, нежно, незаметно на всех, действует до тех пор, пока не выполнит своей цели, пока цветок не превратится в плод, зерно—в колос, пока деревья лесные не достигнут им предназначенной высоты. Посвящая свой труд всякому из бесчисленных миллионов растений, выполняет солнце в то же время и свою остальную великую работу; все так же невидимо, величаво, все с тем же неизменным успехом, наделяет оно землю своей теплотой, охраняет от замерзания океан, совершенно незаметно поднимает биллионы пудов воды на высоту нескольких тысяч фут и совершает многое остающееся для человека невидимым и незаметным, но приносящее ему однако неисчислимую пользу.

И так же, как и на нашей планете, работает солнце и на других, находящихся в сфере его влияния, планетах.

О деятельности солнца в природе нас знакомит наука, и чем дальше она идет вперед, тем мы больше об этой деятельности узнаём; Библия открывает нам глаза на деятельность *„духовного Солнца“*, которое для нас будет иметь все больше и больше значения, по мере возрастания нашего духовного понимания. Какую огромную ошибку делала бы наука, если бы приписывала какой-либо другой силе то, что совершает солнце! Еще пагубнее для нашей духовной жизни, если мы придаем значение какой-либо другой силе, и другими путями стараемся достичь того, что творит и совершает Солнце Правды—Бог наш. От Него зависит наша духовная жизнь во всех ее мельчайших подробностях, так же всецело, как физическая жизнь наша—от солнца. Он *дает душе свет, теплоту* (Ефес. 5, 14) и *красоту* (2 Кор. 3, 18); Он производит в душе *плоды праведности* (Филип. 1, 11); от Него зависит *духовный рост* (Колос. 2, 19); Он *устрояет все дела* наши (Ис. 26, 12); Он *производит в нас и хотение и действие* (Филип. 2, 13); и *без Него* человек *не может делать ничего* (Иоан. 5, 5). Он не только *побуждает человека* делать *добро*, но свет Его *разрушает в сердце зло*, и уничтожает в нем *равнодушие и жестокость*.

И как удивительно действие Божие на сердце: оно совершается в тишине, *так же незаметно*, как действие солнечного луча, и при этом также *плодотворно*, как оно. Деятельность Божия безмерно обширна, но ни одна душа не исключена из круга действий Господних: *каждая* душа является объектом непрестанной заботы Бога. Но почему же, в таком случае, существует между людьми такая разница?..

Что вызывает причину разницы между полюсом, странами средних широт и тропиками?.. То же делается и причиною смерти духовной, или же духовного прозябания человека. Как неизменны во все времена солнце и свет его, так и нет тени перемены в Боге; Он готов работать во всяком сердце; но дело в том, что *сердца людские находятся в разных положениях* относительно Его. Одни из них совершенно доступны свету Его; другие обращены к Нему отчасти, третьи—закрыты для света Его. Одни—дают Ему возможность действовать в них, всецело Ему доверяясь и пребывая в тишине и уповании; другие—мешают Его действию своим неверием и своею самонадеянностью.

В каком положении перед Богом находимся мы с вами? Это—вопрос великой важности; потому что от нашего отношения к Свету мира, дорогой читатель, зависит Его влияние на наше сердце и на нашу жизнь, а, следовательно, и на состояние нашего сердца, и на успех нашей жизни в настоящее время и во всей вечности.

2. МАЛЕНЬКИЕ РАБОТНИКИ И ИХ ИСПОЛИНСКИЙ ТРУД.

Вызванное к существованию властным словом Бога Всемогущего возникла наша земля, со своими мощными скалами, неизмеримо глубокими морями, со всем своим богатством разнородных веществ и сил. Роскошная растительность покрывала ее уже, но глаз человеческий еще не видал всего этого великолепия: человека еще не было на земле; земля не достигла еще в то время своей законченности. Вместо него радовались своему существованию бесчисленные низшие твари. Большинство их были *бесконечно малы:* кубический дюйм заключал их в себе 58.000; в одной унции песку находилось около миллиона пятисот тысяч этих крошечных существ (Брэм), никому, по причине своей микроскопичности, невидимых. Это, так называемые «простейшие животные». Они жили в воде и были лишены каких-либо органов, не имели ни ног, ни глаз, ни рта, не имели даже головы, желудка, сердца и легких; крошечная капелька протоплазмы—слизи - вот, что из себя представляло это маленькое животное; что можно вообразить ничтожнее и незначительнее его? Но и для этой капельки протоплазмы нашлось в окружающем ее мире все потребное для ее жизни. Она обладала способностью строить себе жилище из *извести*, и эта «раковинка» служила безопасным убежищем для маленькой капли слизи. Обладала она и еще одной способностью, а именно—необыкновенно *быстро размножаться.* Слизистое тельце крошечного существа разделялось на две части, из которых каждое становилось самостоятельным животным; новое существо это окружало себя своей собственной раковинкой и уплывало дальше, чтобы в свою очередь дать жизнь бесконечному множеству других таких же животных.

Так жили крошечные *корненожки;* жили, размножались и—миллионами умирали, никем невидимые и незамеченные; а между тем—они выполняли, несмотря на всю свою незначительность—важное дело, своим величием превосходящее все, созданное рукою человека: в продолжение ряда столетий известковые жилища умерших корненожек в огромном количестве опускались на дно морское, образовывая там *пласты, целые скалистые массы*, которые впоследствии землетрясениями подняты вверх; так образовались горы. В изумлении стоит человек перед этими исполинскими скалами, смотрит на высокие горы и недоумевает, как могут они быть результатом работы таких крошечных существ (проф. Неймайр)! Однако, эти корненожки, вместе с маленькими коралловыми полипама, и т. п., не только создали отдельные скалы и горы, но и целые *горные цепи,* покрывающие большие пространства на земле, и доставляющие человеку драгоценный строительный материал.

Одновременно с мельчайшими из мелких существами, наполнявшими моря в те отдаленнейшие времена существования земли, удивительные *исполинские животные* оживляли тогда леса и луга суши. Какой, вероятно, шум поднимался в лесу, когда из чащи его появлялся *мастодонт,* огромный допотопный слон, исполинский рост которого больше чем вдвое превосходил величину нынешнего слона. Ноги его походили на столбы, ноздри—на широкие трубы, исполинские же клыки его должны были своей величиною вызывать всеобщий страх. Какою силою должны были обладать его мускулы, чтобы приводить в движение огромные его кости! Сколько требовалось крови для питания всех исполинских частей тела этого колосса, и сколько, значит,

должен он был поглощать пищи, чтобы приобрести эту кровь! Но природа вокруг него произращала все для него необходимое, и пищи было достаточно не только для 50-ти видов мастодонта: ее хватало и всем остальным допотопным животным, между прочим—и исполинским *ящерам чешуйникам*, одним из самых замечательных животных тогдашнего времени. Наружностью своею этот ящер напоминал ныне существующего *броненосца*, что доказывает найденная в глубоких слоях земли его окаменелая чешуя; но по величине своей чудовище это достигало 24 футов, другими словами,—почти длины мастодонта (Кювье). Не менее сильное впечатление должен был производить *исполинский олень*; рога его, длиною в 6 футов, вместе с его черепом весили 75—80 фунтов; его огромные гибкие ноги давали ему возможность делать уму непостижимые прыжки.

Но мастодонт, ящер-чешуйник и исполинский олень не были единственными великанами первобытного мира; кроме них заселяли леса исполинские сумчатые животные, величиною с носорога, и многие другие огромные звери. Все они отличались необыкновенной силой; их огромные, похожие на обломки скал, черепа и большие кости до сих пор поражают зрителей своими необычайными размерами; и однако—маленькие корненожки сделали в свое время для земли больше этих исполинских животных. Последние появились и исчезли, не принеся земному миру какой-либо видимой пользы. Маленькие же корненожки, несмотря на свою ничтожность и микроскопичность, совершили дело, устоявшее в течение тысячелетий. «Удивительно, что не исполинские тела китов и слонов, но маленькие, для глаза невидимые, политаламии (вид корненожек с многокамерными раковинами) принимают наибольшее участие в строении земли» (проф. Шлейден). «Мы почти не можем изучить строение раковинообразных жилищ микроскопических слизистых животных—так они малы; но мы должны отказаться от мысли о их незначительности, убеждаясь, что именно при посредстве самых маленьких существ природа создает самые поразительные чудеса» (Ламарк).

Как для царства природы, так и для царства благодати—закон один и тот же. «Не знатное мира и уничиженное и ничего незначащее избрал Бог, чтобы упразднить значущее» (1 Кор. 1, 28). Господь волен действовать как Ему благоугодно, и через кого Ему благоугодно. И вся природа, и слово Его показывают нам, что Он избирает незначительное, ничтожное, дабы посредством его сотворить великое и непреходящее. Бог требует от человека, чтобы он отрекся от себя и «потерял жизнь свою», чтобы он сам по себе был «ничем», отказался от своей мудрости, силы и ловкости. И только тогда, когда он убедится в своей незначительности, несостоятельности и неспособности, только тогда, когда откажется от своего собственного «я»—может употребить его Господь для дела Своего.

Когда таким образом человек дает в себе простор могуществу Божию, тогда благоволит Господь через него являть дела Свои.

Нелегко человеку отречься от своего «я», ежечасно и ежеминутно почитая Его «распятым» и несуществующим; но, если мы на это решимся, и с этого начнем,—новая жизнь настанет для нас, жизнь, успех которой нам сделается очевидным в вечности. Это—жизнь постоянной, обильной духовной плодовитости, жизнь, дела которой перейдут в вечность во спасение других, нам на радость и Господу на славу.

Разве не стоит отказаться от всего—для приобретения такой жизни? Кто из нас готов пожертвовать для нее всем? *Кто согласен умалиться, дабы через него совершилось великое**)?

---

*) См. след. №

ПРОСТИ!

Прости за время, что прожито,
За дни бесплодные прости,
За все, что было мной забыто,
Прости, как грешника, прости!..

Прости недуг сомнений частых,
Неверие в душе порой,
Мыслей поток греховных, страстных,
Прости, любовию покрой!

Прости, хоть я и недостойный,
Не заслужил любви Твоей, —
Но все ж прости, любовью полный,
Дай снова мир душе моей!

Прости Ты—ради тех страданий,
И ради мук, что нес за всех...
Прости за дни моих блужданий,
За мой тяжелый в мире грех!..

Того я жажду всепрощенья,
Что Петр однажды получил,
Когда, узрев его мученья, —
Ты отречение простил.

Прости, и озари светлее
Мой путь тернистый впереди!..
Прости! Дай руку, чтоб бодрее
Я мог подняться, и пойти!

Б. Тесленко.

1. Во второй главе, в седьмом стихе Бытия сказано, что человек создан из земли. Аналитическая химия доказывает, что в земле находятся все те элементы, из которых состоит тело человека.

2. В 8-ой главе, 4 стихе Бытия сказано, что человеческий род начал размножаться в Армении или вблизи ее. Археография сегодня свидетельствует, что она была колыбелью наших прародителей.

3. В 17-ой гл., 11 стихе, кн. Левит объясняется, что жизнь—в крови. Медицинская практика признала эту истину.

4. В 1-ой гл., 7 стихе Екклезиаста сказано, что реки опять возвращаются в то место, откуда они начались. Наука говорит, что это происходит по закону испарения воды, и затем—ее охлаждения в верхних слоях атмосферы.

5. В 12-ой гл., 6-м стихе Екклезиаста аллегорически описывается круг кровообращения. Доктор Парвей в первый раз это узнал в 1616 г.

6. В 28 ой гл., 25 стихе кн. Иова рассказывается о тяжести воздуха. Галилей, „только веря верности этого стиха Библии“, нашел весомость воздуха.

7. В 26-ой гл., 7 стихе, книги Иова мы читаем, что земля ни на чем не висит. Этот факт не был известен до Исаака Ньютона, который нашел закон тяготения.

8. В 40-ой гл., 22 стихе Исаии сказано, что земля—круг. Астрономия признала, что земля круглая и вращается по орбите, имеющей 600.000.000 в окружности.

9. В 18-ой гл., 44 стихе 3-ей книги Царств, мы читаем, что облака берут свое начало из морей. Наука свидетельствует, что каждый день из морей испаряется несколько миллионов тонн воды.

10. Пятикнижие Моисея, которое рассказывает что произошло вначале, написано 900 лет раньше самого перваго греческого философа Фалеса, и 400 лет раньше Гомера, который несколькими буквами стараго алфавита написал сочинения свои.

Время не состоит только из часов и минут, но также из желания и любви. Кто много любит, тот сумеет и много сделать.

А. Берсье.

НЕКОТОРЫМ СЕСТРАМ.

„Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде.— I Петра 3,3.

... „О, если бы вы ныне послушали гласа Его“.—Пс. 94,7.

Мне кажется, что вопрос, который я здесь затрагиваю, стал теперь назревшим. Особенно в наше время, когда Церковь (я беру это слово в его наилучшем смысле: собрание возрожденных чад Божиих) опять подвергается большой опасности «омирщиться», стать светской церковью; подвергается опасности смешаться с миром.

Это омирщение имеет в основе своей—желание, выраженное некогда Израильским народом приблизительно в таких словах: «хотим быть, как прочие народы». О, это «как прочие народы»! о, это желание!.. Оно привело когда-то к гибели израильский народ... Светский дух старается ворваться во все щели Церкви Божией, и об одной из этих «щелей» я хотел бы теперь поговорить.

Это явление резко выражено в общинах. Этот дух — «хотим быть, как прочие народы» старается постепенно, исподволь, сначала — приютиться, а потом и занять безраздельное господство...

Слово к некоторым сестрам.

Дело идет об «украшениях», о тех «украшениях», о которых ап. Петр говорит: «да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде»... Иная сестра так выглядит на фотографии где-нибудь в журнале, так смотрит со снимка, а иная так выглядит и в своем собраний, в хоре,—как будто говорит: «смотрите, люди добрые: все, о чем сказал ап. Петр, чтобы я не делала, я все-таки делаю; смотрите же — я украсила и завила свои волосы, я нарядилась так, что видны плечи, руки, оголенные выше локтей».

Обыкновенно люди неверующие, пришедшие в первый раз в собрание, очень охотно откликаются на это безмолвное приглашение. Кто не знает, что неверующие, попавшие впервые в собрание, прежде всего начинают все оглядывать. Редко, когда они начинают сразу же внимательно слушать. Они оглядывают стены, тексты, проповедника, но, главным образом, рассматривают хор. Хор сидит, обыкновенно, лицом к нему (реже в профиль). По хору неверующий хочет судить — что это вообще за люди, в среду которых он попал? И иногда—он видит, увы! то же самое, что уж не раз видел у себя «в миру»: в клубах, танцклассах, дома, на улице: оголенные руки и плечи, завитые виски.

О, сестры, которые не считаетесь со словами ап. Петра! Я хочу допустить, что вы это делаете бессознательно! Иначе, слишком уж большая вина падает на вас!.. Когда-нибудь «в оный день» вы увидите «в бездне»—души людей, которые некогда, заглянув в первый раз в собрание, решили: у этих евангелистов тоже, что везде; они—только говорят, а на самом деле они такие же, как все; стоит ли к ним и ходить?—не стоит... Больше, может быть, вы этих людей в собрании и не видели...

Но какие же причины того, что та или другая сестра ведет себя так, как мы говорили выше?

Иная делает это потому, что в ней еще кое-что осталось от «ветхого Адама»: она так поступала, когда была еще в «миру». Другая—потому, что

сестры А, Б и Г так делают, а они ведь давно уже верующие; в таком случае, почему же ей нельзя? она — совсем еще недавно уверовала... Третья — боится, что подруги, заметив разницу в одежде и во внешности вообще, — между ними и ею — спросят — в чем дело? Нужно будет открыто и ясно выразить свои убеждения, сказать о Том, Кто истинно нас «украшает», «украшает» внутренно. Кто Сам был прост и скромен—и нам велит быть скромными...

Есть еще много причин этому явлению. Может быть эти причины даже не осознаны самими сестрами... но одно я знаю наверно: эти сестры, о которых идет речь, никогда в молитве не спрашивали: «Господи, как хочешь Ты, чтоб я одевалась и вела себя? угодны ли Тебе мои завитые волосы, покрой моих платьев? и т. д. Некоторые сестры скажут: «но, ведь, это все так неважно! стоит ли об этом говорить вообще, да еще спрашивать Господа?» Да, но мы никогда не знаем, что «важно», и что, на самом деле, «неважно». Небольшие причины могут обратить грешника на путь истины, и очень малые вещи могут быть толчком к великой гибели его... Маленькие причины могут вести иногда к великим последствиям!

Помню я, как одна сестра, живущая в большом городе,—когда ей указали на ее одежду и внешность, как неподобающие для чада Божия,—ответила в том смысле, что в этом городе (т. е. где она живет) «такая уж мода». (Не слышится ли вам в этих словах крик израильского народа: «хотим быть, как прочие народы?!») Но в Царствии Божием, во всех городах и селах, везде и повсюду во всем мире—одна только «мода»: скромная. «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос»... (и уж подавно да не будет оголенных рук, ног и плечей)... но сокровенный сердца человек»...— говорит ап. Петр.

Вот «мода», которая существует во всем Царствии Божием; вот мерка, по которой мы должны равняться. И я прибавлю еще—вот истинная, настоящая красота и истинное украшение, которые не привлекут, может быть, поверхностного взгляда любопытствующего зрителя, но которые украсят лучше всякого украшения. Подумайте над этими словами: «Сокровенный сердца человек, в нетленной красоте»... Вот—идеал! Сколько раз уже люди неверующие, но серьезные и искренние в своих исканиях, при соприкосновении с такой «внутренней красотой», говорили: «поистине в этом человеке что-то есть, и есть такое, чего во мне нет». Они чувствовали (хотя и не видели) этого прекрасного, «сокровенного сердца человека в нетленной красоте». И часто они, эти неверующие, через «нетленную красоту», которую почувствовали в людях,—приходили к Первокрасоте—Христу.

Прежде я сказал, что допускаю, что некоторые делают то, о чем мы говорили выше—по неведению. И вот, мне хотелось бы продвинуть к поверхности вашего сознания, сестры, то, что сокрыто где-то далеко у вас в душе, так далеко и глубоко, что вы не даете себе в нем ясного отчета... Хочется в эту глубину вашего сознания бросить несколько лучей света...

Поговорим теперь не столько о самой одежде и о внешности, как о мыслях (иногда полумыслях), о желаниях (иногда полужеланиях),—скорее всего неосознанных, — которые скрываются за определенным покроем платья, за завитками волос и т. д. Что это за мысли или полумысли?

Случалось ли вам когда-нибудь читать статью или письмо, в которых некоторые слова были нарочно напечатаны жирным шрифтом или подчеркнуты? Что хотел сказать автор этим шрифтом или подчеркиванием? Он хотел обратить и привлечь внимание,—особое внимание читателя—на определенные слова. Он хотел из всех слов выделить нужные ему слова и отметить их...

Когда видишь сестру с завитыми волосами, или в глубоко вырезанном, слишком укороченном и слишком узком платье, то вспоминаешь эти под-

черкнутые слова или фразы: сестра, «подчеркивает», сестра «обращает» внимание, зовет к вниманию... Иногда, повторяю, это бывает полужелание или полумысль, — т. е. непродуманная, недодуманная до конца, до последствий, взятая налегке мысль (отсюда «легкомыслие»)... Безмолвно, без слов,—но так, чтобы было ясно, сестра говорит: «посмотрите, обратите внимание на меня, на мои волосы, руки, плечи. Для тебя, зритель, я это сделала, обрати же внимание!.. Я подчеркиваю себя».

Это психологическая сторона того, чего мы коснулись. Пойдем в этом направлении дальше. Помимо того, что сестра обращает внимание присутствующих на себя, есть кое-что и другое. И, если мы даже допустим, что первое некоторые делают умышленно, то второе, а именно то, о чем мы сейчас будем говорить,—делают искренние в Господе сестры, конечно, совсем неумышленно. А между тем это-то второе и есть самое главное и самое ужасное, в виду важности вины и последствий... Что же такое это «ужасное» и «важное»?

Известно, что если на что-нибудь одно обращается большое внимание, или особое внимание, то уж на все остальное поневоле обращается меньше внимания, или совсем внимания не обращается. Где к чему нибудь привлекается внимание, там оно от чего-то отвлекается. И весь вопрос в том,— от чего; от чего отвлекается внимание?

Но об этом — скажем потом. Возьмем пример. Если вы, предположим, уронили золотую монету, и тщательно ищете ее глазами, осматривая землю вокруг себя,—то, конечно, все остальное, что находится возле вас—помимо монеты, — вас мало интересует. Вы не обратите, скажем, внимания—на плевок крови у ваших ног... Этот багряной плевок на земле есть кусочек легких чахоточного... он скоро умрет... эта кровь могла бы вам сказать многое! но—вы не замечаете ее: ваше внимание устремлено на монету, которую вы ищете глазами. Что вам до смерти чахоточного!.. Ваши мысли сосредоточены на другом...

Это называется «перенесением внимания» с одного предмета на другой. И вот я утверждаю, сестры, что вы переносите мысли того человека, который на вас смотрит во время собрания — на себя, с чего-то другого; с чего? или вернее, с кого?..

Ответ: с Христа. Кровь Христа становится для грешника неинтересной и незаметной; она ничего не говорит его сердцу; не говорит,—ибо на земле «блестит монета», и на нее перенесено его внимание...

Кто отвлек от Христа внимание человека? Кто же, как не та, которая привлекла взоры его на себя? А так как одновременно невозможно сосредоточить внимание на двух предметах, то пусть, скажем, льется вдохновенная проповедь о Христе, о Его страданиях и любви... сидящий там, на скамейке, — не слушает: его внимание отвлечено, — и привлечено: отвлечено от Христа, привлечено на то, что подчеркнуто...

Дорогая сестра, думала ли ты когда-нибудь о том возможном случае, когда в душе грешника, пришедшего в первый раз в собрание, произойдет, так сказать, «выбирание» между тобой — и Христом? Ибо кому он отдаст свое первое, сильное внимание, того он и выберет. Ты потратила достаточно времени на убранство свое и, действительно, приукрасила себя... Христа украсили терновым венком... Грешник выберет тебя, а не Христа, ибо мир любит то, что блестит... Проповедник с кафедры проповедует Его, Мужа скорбей, изведавшего болезни, Христа и притом Распятого; ты же сидишь рядом в хоре и проповедуешь—себя, привлекаешь взоры к себе, подчеркиваешь себя; грешник отвернет свое лицо от Мужа скорбей—и выберет тебя... В Нем «не было ни вида, ни величия»; ты же, сестра, придала себе и «вид» и «величие»; грешник выберет тебя. (Повторяю: мир любит блеск).

— Вот и следствие этого «перенесения внимания»: выбор (и какой выбор!)... Душа человека, еще не пробужденная свыше, выберет одну внешнюю красоту (и красоту ли?)—вместо внутренней; выберет человека—вместо Бога, смерть—вместо жизни, ад—вместо рая...

Вы, может быть, опять удивитесь, как могут такие мелочи так сильно повлиять?.. Увы! эти мелочи бывают часто теми «птицами», которые похищают падающее на почву «семя». Человек уходит из собрания после первого посещения с мнением, что «у этих евангелистов то же самое, что везде; так не стоит к ним и ходить!»; или выходит он из собрания,—и в душе его образ Бога заслонен образом человека. Это значит, что «птицы» (вот эти самые «мелочи»)—похитили «доброе семя».

И хорошо еще, если вместо этого семени сатана не посеет своего «семени»... Какого же?

Христос нашел нужным сказать об этом «семени» так:

«Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением—уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5, 28). Это сказано мужчинам; всякий мужчина, смотрящий на женщину с вожделением — грешит. Но виновна и та женщина, которая вызвала этот взгляд.

Ты, быть может, скажешь, сестра: «но я-то тут при чем? пусть не смотрят люди; разве я думаю привлечь их внимание? ничьих взоров я привлекать не хочу; я одеваюсь так, потому что мне это нравится, а до остального мне дела нет»...

Если ты так говоришь, то, во-первых, не забудь, что в каждом из нас (и в тебе) — есть два человека: духовный и плотский: духовный, действительно, не хочет отвлечь взоры грешника от Христа; но плотский (о, этот лукавый плотский человек!) — он-то хочет, а о нем и была все время речь, когда мы говорили о «полумыслях», «полужеланиях», неосознанных до конца, до последствий; а во-вторых: ты говоришь, что тебе «так нравится» одеваться... Но еще во времена ап. Петра были сестры, которым «так нравилось одеваться»!.. Поэтому и нашел нужным сказать апостол тем сестрам тогда (и тебе теперь): «да будет украшением ваши не»... Что же касается предполагаемого третьего... «до остального мне дела нет» (если ты это не говоришь словами, то говоришь поступками), — то как же может тебе до остального «не быть дела»? Ведь ты же, сестра, спасена для того, чтобы других спасать, а «другие»—это те, о которых ты говоришь: «до остального мне дела нет». О, сестра, сестра!..

Может быть всему, о чем говорится в этой статье, ты вообще не придаешь значения: отодвинешь журнал, закроешь его и... забудешь? Это может случиться; но когда настанет день,—«оный день»,—тогда ты будешь жалеть, если теперь так именно поступишь.

Поэтому мне хочется сказать слово мое так, чтобы оно непременно достигло до вашего сознания, сестры... Подумайте: дело идет о спасении или гибели душ! К этому нельзя относиться легко. Да и Господь никогда не оставит безнаказанным этот грех; грех перенесения внимания со Христа—на себя.

Вспоминаю два случая, — двух сестер, — в одном из больших городов России. Обоим было в свое время указано на их неподобающую, как чадам Божиим, внешность. Они продолжали свое—держали себя, как прежде. Через короткое, сравнительно, время одна из них совсем ушла от Христа... После этого она четыре раза старалась покончить с собой. Умерла она года через четыре или пять после увещания... Может быть (говорю «может быть», т. к. боюсь определять наверняка)—этот уход и был отдаленным или прямым следствием прежней причины: неповиновения Господу «в малом».

У другой—цветущей, молодой, как первая, полной сил,—вдруг отнялись ноги; года через два после увещания она умерла, как мне передавали,—верующей, но в страшных мучениях... Может быть (опять это «может быть», по той же причине) их постигло особо-сильное наказание, ибо им особенно много было дано: сестры эти были развитые, богато одаренные девушки.

«Раб же тот, который **знал** волю господина своего и не был готов, **и не делал** по воле его, бит будет много,—говорится в слове Божием... Но не хочется говорить о наказаниях. Хочется сказать братское слово: о, сестры! всеми силами, какими только можете,—указывайте на Него, **только** на Него! **Он — но не мы**. Да избегнем мы, с Его помощью, смирщения Церкви, да избегнем влияния этого мирского духа, который вопит: «хотим быть, как прочие народы!» (или, как та сестра сказала: «в этом городе такая уж мода»).

Подчеркивайте, — но Его; обращайте внимание других, — но на Него. Ибо «Ему должно расти, а мне умаляться».

«И да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы, или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек **в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа**, что драгоценно перед Богом» (I П. 3, 3, 4).

N. N.

ДОБРАЯ СТАРУШКА.

Божья старушка, под семьдесят лет,
Высохла вся, как Кощей...
В хате убогой ни хлебушка нет,
Нет ни родных, ни детей...

Ей уж не много осталось пожить!
Скоро холодной рукой
Смерть оборвет ее тонкую нить,
И позовет на покой.

Знает об этом старушка моя, —
Да не спешит умирать.
В сердце глубоко любовь затая,
Всем она близкая, — мать.

Время ли страдное, день или ночь,
Горе ли где, иль нужда, —
Всем она хочет по силе помочь
Долей святого труда...

И потихоньку, поднявшись чем - свет,
Ходит к двору от двора,
Вносит с собою любовь и привет,
Мир и источник добра.

Любит в деревне старушку народ,
Тронут ее добротой;
Он отдает ей сердечный почет,
И называет „святой“...

Ник. Волков.

ИЗ ДРЕВНИХ АПОЛОГЕТОВ [1]).

«Вникни,—говорит Ориген [2]) в ответ на злоречия и насмешки Цельса [3]),—вникни тщательно *в жизнь* некоторых из нас; сравни прежний и настоящий образ жизни людей, и ты увидишь, в каком нечестии и нечистоте вращались люди, прежде чем они приняли христианское учение... Но лишь только оно коснулось ума и сердца их, они вскоре делались умеренными, справедливыми и постоянными. Да, многие из них так воспламенялись любовью к чистоте и праведности, что воздерживались даже от законных радостей. Во всех местах, где преобладает христианство, Церковь обилует такими людьми. Как могут быть вредными и дурными членами общества люди, обратившие столь многих из недр порока к добродетельной и воздержной жизни, предписываемой им христианскою религией?

Они исправляют женщин от нескромности и безнравственности; мужей от излишней привязанности к грубым удовольствиям и театрам; удерживают юношей, всегда склонных к пороку и роскоши, живо представляя им не только ничтожество и суетность роскоши, но и наказание, уготованное безнравственным и порочным людям».

«Не христиане,—говорит другой древний апологет—Лактанций [4]), но язычники разбойничают на суше и занимаются пиратством на море, отравляют своих жен из-за приданого, или мужей затем, чтобы жениться на этих прелюбодейцах; душат или подкидывают своих детей, предаются кровосмешению со своими сестрами, деверями, матерями и весталками [5]), совершают различные гнусные, противоестественные пороки, которые, по слову апостола, не должны даже именоваться у христиан» [6]). Лактанций, указывая на противоречия между учением, правилами нравственности и деятельности языческих философов и на ничтожные добытые ими результаты, сравнительно с чистотою и действенностью Евангельского учения, восклицает:

«Дайте мне человека желчного, раздражительного, упрямого и необузданного, и я несколькими словами, словами Божиими, сделаю его кротким, как ягненка!

Дайте мне скупого, жадного, скрягу, и я сделаю его, Словом Божиим, благородным созданием, благим и расточительным во славу Божию и на пользу ближних!

Дайте мне жестокого и кровожадного человека, и свирепость его, под мощным влиянием учения Христа, немедленно изменится в кроткое, благородное и милосердное расположение!

Дайте мне, наконец, грешника, безумца, нечестивого, и он не умедлит под сенью Христовой веры, сделаться честным, мудрым и добродетельным!

Столь велика действительность Божественной мудрости, что она, раз проникнув в сердце, совершенно изгоняет безумие,—родоначальника всех пороков.

Могущественное действие христианского учения не оказалось ли особенно в том, что 12 апостолов, взятые из людей бедных, неученых, низкого состояния, этим учением победили и покорили Христу сильных, мудрых, богатых, царей и царства?».

---

1) Защитников христианства от нападения язычников.

2) *Ориген* (185—255)—знаменитый богослов и философ, ученик Климента Александрийского, преподаватель Александрийской школы катехизаторов. Его важные заслуги—в изучении Библии и в защите христианства против языческих писателей. Основатель научного христианского богословия

3) *Цельс*—языческий философ времен Антонина и Марка Аврелия (II в.), автор сочинения «Истинное слово», дышащего ненавистью ко Христу и Его последователям.

4) *Лактанций* († 330 г.)—известный христианский писатель—апологет и оратор, прозванный «христианским Цицероном».

5) Жрица богини Весты, покровительница семейного очага. 6) Ефес. 5, 3.

„ТЫ ВЗВЕШЕН И НАЙДЕН ЛЕГКИМ".

„Все пути человека чисты в его глазах,
но Господь взвешивает души".—Пр. 16,2.

Пирует Валтасар, царь халдеев. В его роскошном дворце собрались сотни вельмож. Довольным взглядом окидывает молодой царь собравшихся гостей в богатых одеяниях. Красивые женщины, в причудливых восточных нарядах, украшают пир. Без них и пир не в пир... Доволен царь. Его отец Навуходоносор прославился победами и передал ему, Валтасару, богатые владения.

Одной из его многочисленных побед была победа над упорным Израильским народом, так слепо верившим в свои силы. Он подступил к Иерусалиму, разрушил его до основания, и уничтожил храм. Тот храм, куда на поклонение стекались все евреи, куда в определенный час нисходил Сам Иегова! Их гордость, их славу уничтожили.

Бедные овцы Израиля лишились свободы. Грозный царь Навуходоносор большую часть их взял в плен.

Напрасно, пророк Иеремия предостерегал народ Израильский (Иер. 37, 7—10). Но не послушались самонадеянные евреи человека Божия. Обвинив его в измене, они бросили его в темницу.

Господь исполнил то, что сказал. Иудеи пошли в плен, долгий тяжкий плен, продлившийся около 70-ти лет *).

Разрушен храм; драгоценные сосуды дома Божия в руках язычников.

Надменный царь Навуходоносор, наказанный однажды Богом за гордость отлучением от людей (Дан. 4 гл.), утомленный завоеваниями, передал, наконец, власть сыну Валтасару.

И вот пирует царь. Льется вино, разгорячаются сердца. Вдруг мысль пронзает мозг, приказывает он внести на пир сосуды, взятые из храма пленных иудеев. Какое святотатство! Какая неслыханная дерзость!

„Я властелин! Я, как отец мой Навуходоносор, имею власть над этим жалким народом. Что мне за дело до их религии, до их Бога"... думает он.

Приказ исполнен. Сосуды на пиру.

И пьют из них гости, и пьет сам царь...

Но вдруг в разгаре пира царь бледнеет. — „Что с тобою, властитель? Почему так дрожат твои ноги, белеют губы и трясется рука, указывающая на противоположную стену?"

Взоры всех устремляются туда и с тайным ужасом следят, как кисть человеческой руки пишет на стене.

Но что-то непонятное, что-то странное начертала таинственная рука...

В страшном предчувствии смутился царь. Дрожа как в лихорадке, кричит, зовет он, чтоб привели ему такого человека, который мог бы разгадать тайну начертанного.

Не нашлось ни одного из его подданных, кто бы мог вернуть спокойствие царю, кто бы мог вернуть веселье пиру.

Царь расстроен, в смущении молчат вельможи.

Но вот среди пленных иудеев нашелся один муж—Даниил, исполненный Духа. Божия

„Узнаю правду, какая-б ни была", — подумал царь.

Его ввели.

Дерзновенно начал Даниил свою речь перед царем. Он напомнил ему про отца его, Навуходоносора, которого в гордыне покарал Бог и которому только лишь после полного смирения его вернул человеческий облик.

— Великий царь, урок тебе хороший был, но пользы для тебя он не принес. Гордое сердце твое не прославило Того, в Чьей руке твое дыханье... Ты дерзнул осквернить сосуды Божия Дома.

— Так знай же, царь, таинственные персты начертали тебе приговор —

*) 597 г. до Р. Х.

Ты взвешен и найден легким.

Царство твое отойдет от тебя...

В ту роковую ночь халдейского царя убили *).

Сбылись слова, начертанные Богом...

— Я знаю, дорогой читатель: ты скажешь, что к тебе это мало относится. Это было давно. Валтасар царь своим поведением вполне заслужил справедливую кару. Но ты ведь ничего подобного не делаешь!

Но обратил ли ты внимание на слова, поставленные в заголовке. „Все пути человека чисты **в его глазах**, но Господь **взвешивает души**"? Премудрый Бог „взвешивает души". Тогда жизнь Валтасара, его самоуверенность, его гордость — на Божьих весах оказались очень легкими. Господь всегда и во-веки тот же. Из года в год, изо дня в день, из часа в час—Он „взвешивает". Божие правосудие, Его мнение о тебе—это Его весы.

Как ты живешь? Я спрашиваю, дорогой друг, тебя, я спрашиваю и себя.

Как часто нам кажется, что мы поступаем совсем не худо, но Божьи весы неподвижны. Пустота!..

О, как страшно оказаться в таком положении, как Валтасар!

Пусть это было давно... Пусть это было с человеком не нашего круга, не нашего времени, не нашего народа, но это было так. Божья премудрость непостижима. Яркий пример, чудный урок оставил Он нам на страницах Вечной Книги. Не пропустим его без внимания.

Пусть невольным трепетом наполняются наши сердца при чтении этих слов — „ТЫ ВЗВЕШЕН И НАЙДЕН ЛЕГКИМ".

Н. П.

Молодой человек пришел к проповеднику, и спросил его:

— Сколько нужно времени для того, чтобы подготовиться к смерти?

На это последовал ответ:—Около пяти минут.

Тогда молодой человек с облегченным сердцем повернулся к выходу, думая, что у него есть еще достаточно времени для того, чтобы воспользоваться жизнью, отдаться всевозможным удовольствиям и потом, на исходе дней своих, обратиться к Богу.

— Остановитесь!—позвал его проповедник,—когда именно вы собираетесь умереть?

— Не знаю,—ответил молодой человек.

— В таком случае вам лучше всего приготовиться немедленно, потому что, может быть, у вас и пяти минут для этого не останется.

* * *

Один последователь Иисуса стал роптать на Бога, за то что Он дал ему нести тяжелый крест. И приснилось ему однажды, что он находится в „вечности". Перед ним необозримая равнина, вокруг—непроглядная тьма. Но вот на востоке появились первые лучи восходящего солнца и вдали показался „новый Иерусалим". Он торопливо зашагал к тому направлению, и великой радостью стало наполняться его сердце при виде „златого града". Расстояние уменьшается. Вот он сейчас достигнет своей цели... Но—вдруг его великая радость превратилась в великую скорбь: град этот был окружен глубоким рвом, и он никоим образом не мог найти перехода! С печалью стоял он перед почти доступной целью. Неужели этот град был для него неприступным? Вдруг вспомнил он о своем кресте, положил его, как мост, поперек рва, и таким образом обе стороны его соединились посредством этого креста... Он проснулся. Ему стыдно стало, что недовольством своим он оскорбил Господа, и он стал просить у Него прощения. С тех пор он больше не роптал, так как знал, что крест его—как раз такой величины, какая нужна.

---

*) 538 г. до Р. Х. — Покорение халдейского царства персидским царем Киром, и присоединение к персидскому царству захваченных Навуходоносором Сирии, Финикии и Палестины. — Ред. Ком.

ДЛЯ ЧЕГО ТАКИЕ МЫСЛИ ВХОДЯТ В СЕРДЦА ВАШИ?

Лук. 24, 38.

Эти слова поразили меня однажды, когда я строил планы относительно своего настоящего и будущего. „Для чего такие мысли?..“ „Отчего“ они возникают? Не потому ли, что вы МЕНЯ недостаточно **знаете?“**

Эти слова сказал ученикам Своим **воскресший** Господь. Его ученики все еще хватались за **свои собственные мысли** и представления относительно Царства, и, когда Иисус подошел к их смущенным сердцам,—они **не узнали** Его (ст. 37)—и смутились. Он видел их сомнения и недоумение, и поспешил рассеять их. „Для чего такие мысли входят в сердца ваши?.. Это Я, Иисус, в **силе воскресения**, хотя все совершилось совершенно иначе, чем вы ожидали“...

Не так ли бывает и в наши дни? Разве Бог не действует и теперь Духом Святым такими путями, которые совершенно противоположны нашим путям, и способами, которые для нас неожиданны? „Мои мысли—не ваши мысли, не ваши пути—пути Мои“, говорит Господь; „если вы научитесь **знать** Меня, Мои пути не покажутся вам странными. Тогда „такие мысли“ или рассуждения не будут возникать у вас. Жить „в обновленной жизни“ значит жить **верою**, а не **видением**; жить верою, значит—**не рассуждать.**

Рассуждения доказывают, что сердце еще ожесточено (Марк. 8, 17). Рассуждать—равносильно тому, чтобы сказать: „Я так же хорошо знаю, как и Бог“... Разве это не „от плоти“? Взгляните еще у Луки 9, 46: ученикам „пришла мысль“, и они стали рассуждать—„кто из них больше“. Тайное желание быть **чем-то**, стоять впереди, привлекать внимание, „быть **большим**“... Что это опять-таки означает, как не плотскость их? И ка́к Иисус ответил, когда Он уразумел мысли их?.. Он поставил малое дитя перед ними и сказал, чтобы они стремились иметь такой „дух“, как у него: детский, дух веры в своего Отца, дух, чуждый рассуждениям, дух зависимости... „Малое дитя будет водить их“ (Ис. 11, 6)... Принимать смерть Христову следует—как дитя. **Тогда** рассуждения прекратятся. Эти рассуждения ведут к „спорам“ (Лук. 22, 24), и все это есть признак плотского состояния (1 Кор. 3, 3).

Рассуждения ставят **границы Богу.** Почему Бог не может свободно действовать в Своей Церкви в настоящее время? Просто потому, что Церковь **не может отстать от рассуждений,** и **не ходит верою.** Есть много способов рассуждать, определяя границы Богу и препятствуя Ему в действиях Его.

Матф. 17, 20. **Неверие** поставило предел силе Христовой в детях Его: „неверие“—т. е. рассуждения сердец их. Сравните Римл. 4, 20.

Пс. 77, 17—19. **Своеволие** евреев ограничивало силу Божию в пустыне.

4 Цар. 5, 11. Нееман сказал: „Вот я думал“... И пока он „думал“, а **не повиновался,** он ставил предел действию Божию, не давая ему проникнуть в глубину существа его. Собственные наши рассуждения только ухудшают, а не улучшают дело. **Человеческие мысли** полагают границы силе Божией.

Ис. 64, 4: Бог „делает“ для „надеющихся на Него“. Многие души нетерпеливы, они не „надеются“. **Торопливость человеческая** ставит пределы Богу.

А **как** мы „ограничиваем Бога“?

Марфа в Иоан. 11 „ограничивала“ Господа трояко.

Ст. 21. Она ограничивала **Его желание** воскресить брата ее из гроба. Она пыталась сложить вину на **Иисуса.**

Ст. 24. Она ограничивала **время** Его действия: „Воскреснет (брат мой)... в последний день“. Иисус же говорит: „Наступает время, и настало уже“.

Ст. 39. Она ограничивала **Его силу**: „Мой брат уже настолько разложился, что Ты уже не можешь ничего сделать“.

Как относится ко всему этому Иисус?—„Не сказал ли Я тебе, что если будешь веровать, увидишь славу Божию“... Мир говорит: „Надо видеть, чтобы верить“; Иисус говорит обратное: „**Надо верить, чтобы видеть**“.

„Доверяйся Мне, научись познавать Меня... Ничто не может положить предела воле Моей... Темничные ворота не могут (Деян. 12, 10)... Море не может (Исх. 14, 21—22)... Вся природа не может (Быт. 18, 14; Лук. 3, 37). Для МЕНЯ все возможно. Стань в сторону, и смотри на Мои действия“.

С-кий.

ВЕРА, УТВЕРЖДАЮЩАЯСЯ НА СИЛЕ БОЖИЕЙ.

Проповедь **А. Мёре.**

Прочтем 1 Кор. 2, 4—5: „**И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией**"

Апостол указывает на два рода проповеди и на две категории религиозной жизни верующих. Существует проповедь «в явлении духа и силы», и существует проповедь «в словах человеческой мудрости». Вследствие проповеди «в явлении духа и силы» вера слушающих укрепляется в силе Божией. С другой стороны, когда проповедь заключается «в словах человеческой мудрости»,— вера слушателей держится на мудрости человеческой.

Прежде всего отметим два сорта людей, существующие среди слушающих проповедь. Не утверждается ли в большинстве случаев в церквах наших вера христиан «на мудрости человеческой»? Пока люди имеют красноречивого, серьезного проповедника, они его слушают и кажутся верующими; но стоит им попасть в новые жизненные обстоятельства,—и вера их начинает колебаться. Я думаю, что все это вы сами заметили. Как мало христиан, вера которых оказывается твердою! И почему это так? Да потому, что вера их более утверждалась «на мудрости человеческой», нежели «на силе Божией». Жизнь их не протекала в постоянном соприкосновении с Богом, и потому это была слабая духовная жизнь. Такова, увы, бывает жизнь большинства христиан. Там же, где наоборот, проповедь протекает в явлении духа и силы, вера слушателей утверждается единственно на Боге и на силе Его.

Такая именно проповедь нам нужна. Служители Божии должны приводить верующих в непосредственное соприкосновение с Богом и Его всемогуществом. Всякий верующий должен сознавать, что он уверовал в Бога всемогущего, что он спасен Богом всемогущим, что всемогущий Бог сделался хранителем его.

В предыдущей и в этой главах апостол указывает, как опасно проповедникам Слова Божия прибегать к словам **человеческой мудрости**. В 1 Кор. 1, 17 он говорит: «Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова». Христос указал ап. Павлу, **что** ему следует проповедывать и **как** проповедывать. В первых же стихах второй главы апостол пишет: «Когда я приходил к вам, братия, приходил—он особенно это подчеркивает—возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости; ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого». Здесь снова упоминаются две вещи: первая—проповедь о «**Христе и притом распятом**»; вторая—передача благой вести «**не в превосходстве слова или мудрости**».

Очень многие благовестники обратили в обязательное для себя правило второй стих — «Я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого». Многие из них сказали себе: «Мне следует проповедывать только о Христе и о распятии Его на кресте». И надо благодарить Бога, что они искренно возвещают истину евангельскую. Они обратили внимание на первую часть вышеприведенных слов ап. Павла. Он сказал: «Я приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости»; и далее он повторяет снова «И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете» (ст. 3). Почему это так было?—Потому что таково духовное настроение человека, сознающего, что он, сам по себе,—совершенно ничто, и проповедующего всегда с таким чувством: «я в полной зависимости от Духа Святого, и должен ждать, чтобы Дух Святой наполнил мой пустой сосуд; я не в силах состязаться с безбожием, неверием и грехом;

я не могу ссылаться на то, что в прошлые годы Бог говорил людям чрез меня; но всякий день снова стою я пред Богом в немощи, страхе и великом трепете, в сознании своей несостоятельности и ничтожества, ожидая, что Бог дарует мне Духа Святого».

Заметьте, что ап. Павел постоянно сознавал свою немощь. Это — одно из великих поучений, нами почерпаемых из жизни апостолов. Двадцать лет стоял он во главе апостолов, и однако он пишет Ефесянам следующее: «Старайтесь о сем... со всяким постоянством и молением... о мне, дабы мне дано было слово... дабы я смело проповедывал, как мне должно» (Эфес. 6, 16—20). В течение двадцати лет проповедывал он, «как ему было должно»; и, все-таки он просил молиться о нем: так сильно сознавал он постоянную свою зависимость от Бога! «И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете. И слово мое и проповедь моя **не...**» Заметьте — опять слово «**не**»; обратите внимание на это слово во втором послании к Коринфянам, в упомянутой выше главе: оно всюду указывает на противоположность между тем, что одобряется Духом Святым, и тем, что противится Ему,—«**проповедь моя НЕ в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы**; чтобы вера ваша **утверждалась НЕ на мудрости человеческой, но на силе Божией».**

Что же представляет собою проповедь в **проявлении** духа и силы? Чтобы это понять, мы должны вернуться к первым дням христианства [1]) и вспомнить те великие истины, которые в те дни были открыты Богом нам, служителям церкви и возлюбленным чадам Его. Если мы не принимаем Духа Святого в силе и радости этих дней, то это объясняется только тем, что сердца наши все еще довольствуются лишь немногим от Духа Святого вместо того, чтобы принимать в себя обещанные нам неиссякаемые реки «воды живой». Ап. Иоанн видел исходящую от престола Бога и Агнца чистую реку воды живой, светлую, как кристалл. Всякую минуту в течение всех веков, и в настоящую минуту также, этот поток Духа Святого истекает от престола Божия. Но почему сила этого потока так мало проявляется в жизни детей Божиих? Почему она их не освежает, не укрепляет и не оживотворяет? — По неверию их; потому что мы так мало знаем, так мало верим, так мало просим и так мало живем всякий день верою в то, что Дух Святой дается нам непрерывно.

Какое значение имело сошествие Святого Духа для первых учеников? Вы знаете, что они три года прожили с Христом; Христос их чудно учил и поучал, любил их и руководил ими; и, однако, в эти три года Он не проник до глубины их сердца и жизни. Он оставался Христом **вне их самих**. Он учил их смирению, и однако за последнею вечерею они спорили о том, кто из них больше. Он велел им исповедывать Его пред людьми, и, однако,— все они оставили Его, а Петр даже отрекся от Него... Как мало оказалось в них смирения, мужества и любви! Как много себялюбия и отсутствия любви проглядывало в их отношениях друг ко другу! Христос учил их «любить друг друга, как Он возлюбил их», но в поведении их не обнаруживалось и тени послушания этой Его заповеди. Они **не имели силы для исполнения Его воли.** Но Он обещал им послать, по вознесении Своем на небо, Духа Святого жизнь Самого Бога,—Духа жизни Самого Христа, со всем Его небесным могуществом. Дух Святой должен был вселиться в сердца их. И когда Дух Святой должен был притти, Христос обещал пребывать в сердцах их. Вполне определенно обещал им несколько раз все это Христос. «В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас» (Иоан. 14, 20). Другими словами Христос сказал Своим ученикам следующее: «Я был подле вас и вне

[1]) Ко дням сошествия Святого Духа на апостолов.

вас; Я совершил для вас все, что мог. Но Я **не сообщил вам всего Моего душевного настроения** и не проник в ваше сердце, чтобы пребывать в нем. Я приду опять». И он пришел опять. И когда, в лице Духа Святого, Он пришел,—Он овладел сердцем их. С этого дня чрез Духа Святого Сам Он сделался их жизнью.

И что же из этого произошло?—Две вещи. В апостолах произошла большая перемена. Их гордость сменилась смирением, их слабость перешла в мужество, а эгоизм—в чудную любовь. Почему? Потому что живой Христос с небес, с Его смирением, Его мужеством, Его готовностью страдать и Его любовью—теперь **вошел в их сердца**. Да, будем постоянно обращать наш взор назад, и вспоминать, какая удивительная перемена произошла в апостолах в те благословенные дни. Будем верить, что перемена эта может произойти и в нас.

Далее они получили силу и для своего служения, потому что они имели теперь в своей личной жизни Христа, силу для их работы и служения. Установим связь между этими двумя вещами. Христос не дал им силы Духа Святого отдельно от Его пребывания в них. Нет. Они исполнились любовью, чистотою и радостью неба. **Небесная жизнь овладела ими и победила** плоть со всем ей присущим эгоизмом. И тогда появилась у них сила для работы. Все сто двадцать учеников могли свидетельствовать о великих делах Божиих; все они могли подтвердить чудный факт: Христос вознесся, и послал дар непосредственно с неба; они получили небо и радость Божию в сердца свои». И этою силою они свидетельствовали, страдали и побеждали.

Братья, спросим себя, что дало сошествие Святого Духа этим ученикам? И затем зададим вопрос: может ли оно дать то же самое и нам? Являются ли эти люди исключением, или же примерами для свидетельства о том, что силен совершить Христос? Должны ли мы видеть в этих людях доказательство того, что **иногда** Христос может сделать, или же мы должны смотреть на них, как на доказательство того, что в своей неизменной силе Христос может совершать **всякий** день? Будем верить, что в виду того, что жив Тот же Христос, Который дал Духа Святого, можем видеть на земле и мы таких же христиан, какие были тогда, в дни пришествия Духа Святого.

Вникая в жизнь первых учеников Христа, мы ясно видим, что в жизни истинных учеников может быть две стадии духовного развития. Это очень важно заметить, потому что факт этот является как бы характерною чертою всех Божиих действий по отношению к человеку. Возьмем историю человечества. Мы имеем Ветхий Завет и Новый Завет. Их не один и не три, а именно — два. Почему? Ответ прост: всегда должно быть время подготовления и время исполнения. В христианской религии существуют два действующие лица — Бог и человек; и тайна христианской религии заключается в решении вопроса: что относится к действиям Божиим, и что следует делать человеку? Бог не желает насиловать волю человека, не хочет совершать чудес, не сообразуясь с природным характером человека и с законами, присущими его естеству. Инициатива действий всегда исходит от Бога. Но, даровав человеку известное количество света, благодати и назидания, Бог предоставляет на некоторое время человека самому себе, чтобы он мог применить к делу все, ему Богом дарованное. С какою целью Бог это делает? Чтобы человек убедился в своем бессилии, и затем научился всецело уповать на Бога и всего ожидать от Него. Такова была великая задача Ветхого Завета, а затем настал Новый Завет и открыл человеку исполнение того, что подготовлено было Ветхим Заветом.

То же самое произошло и с учениками Христа. Три года Христос был с ними. Во все это время Он давал им Свои повеления и предоставлял им

возможность убедиться в их полном бессилии эти повеления выполнить, несмотря на все их старания. Мы знаем, что ап. Петр был очень предан Христу. Не бросил ли он все свои сети ради Него? Не доказал ли он тем, что, когда Христос сказал ему: «Закинь сети свои для лова» (Лук. 5, 4), и он это сделал по слову Его, — что он хотел Ему беспрекословно повиноваться? Не доказал ли он, что он имел твердую веру, когда он пошел по воде, и что у него было много Божественного света, когда он сказал: «Ты Христос, Сын Бога Живого». И Христос сказал: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах» (Матф. 16, 17). Петр был образцовым учеником, и однако, как много в нем было собственной воли! Потому что вскоре после его открытого признания Христа Сыном Божиим, когда Учитель сказал, что Ему должно быть распяту, Петр воскликнул: «Да не будет этого с Тобою». И Христу пришлось сказать ему: «Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Матф. 16, 22—23). Позднее, когда Христос хотел вымыть ноги ученикам, Петр сказал: «Не умоешь ног моих вовек» (Иоан. 13, 8); а когда Христос ему сказал: «Если не умою тебя, не имеешь части со Мною», Петр перешел в другую крайность и воскликнул: «Господи, не только ноги мои, но и руки и голову». Все это показывает, как сильна еще была в Петре плоть и как много в нем было своеволия рядом с трогательною преданностью Христу. Когда же Христос предупредил его, говоря: «Отречешься от Меня», Петр ответил: «Не отрекусь от Тебя» (Марк. 14, 29 — 31). Какая самоуверенность! И почему допустил Христос падение Петра? Ответ прост и ясен; Петр должен был научиться не рассчитывать на свои силы, должен был убедиться в своем собственном бессилии и увидеть, сколько в нем еще было плоти и ветхого человека при всей его любви ко Христу. Он должен был убедиться, что в нем не живет ничего доброго.

Но после падения Петра настал новый, второй фазис его жизни. После своего падения, о котором он глубоко сокрушался и горько плакал, он снова воспрянул духом. И Христос встретил его с большою любовью и повел его ко дню сошествия Духа Святого. Дух Святой пришел и сделал из него нового человека; настроение Христа, Его чувства и наклонности наполнили теперь сердце Петра. Читая первое послание Петра, мы видим, что человек, который когда-то говорил Христу, что Он не должен страдать, и который не мог перенести подозрения, что он ученик Иисуса Назорея, теперь этот человек, Петр, научился страдать. Лозунгом этого послания является мысль: «**Чрез страдание к славе**». Он пишет: «Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо дух славы, Дух Божий почивает на вас» (1 Петр. 4, 14). Какая перемена произошла в Петре! Он сделался новым человеком. И какая благословенная сила исходила из него!

Существуют также эти два фазиса и в жизни всякого христианина. Человек обращается, и получает Духа Святого. Но Бог испытывает его в одном отношении, чтобы узнать, хочет ли он всецело отдаться руководству Духа Святого, хочет ли он признать свое полное бессилие и допустить силу Божию действовать в нем. И в большинстве случаев — есть, впрочем, и исключения, когда с самого дня обращения **полнота** силы Божией овладевает человеком—новообращенный человек, рассчитывая на свои силы, старается служить Богу. Но он падает и падает. Многие верующие всю свою жизнь не доходят до того, до чего дошел ап. Петр после дня сошествия Духа Святого. Они не испытали на себе ее силы. Другие же переживают, подобно ап. Петру, перелом в своей духовной жизни. Такие люди рано или поздно начинают вопрошать: «Господи! неужели я буду всю

жизнь так падать? Неужели никогда не избавлюсь я от этой жизни падений? Неужели сердце мое всегда будет меня осуждать? И они начинают видеть, что это **не** необходимо. Петр дожил до дня Духа Святого, после него все изменилось. И вы можете исполниться силою Духа Святого, и тогда все изменится! Когда христианин с отчаянием в сердце решает совершенно отречься от своей собственной силы и приходит ко Христу, как разбитый и пустой сосуд; когда он верит, что Христос может овладеть им, и может его сохранять в Своей власти всякую минуту дня и может учить его жить Духом,—тогда наступает второй фазис его духовной жизни, в который мир, радость и покой Божий наполняют его сердце. Тогда человек познаёт то, что ему оставалось неизвестным в течение десяти, двадцати или тридцати лет его прежней христианской жизни. Он узнаёт, что **всякую** минуту он может жить силою Духа Святого, что Дух Святой может **руководить** им. Тогда человек проникается смирением, и делается вполне зависимым от Духа Святого; тогда наступает для него благословенный покой относительно всего, что для него и чрез него совершит Христос и Дух Его.

И для служителей церкви, братья, существуют также эти два фазиса жизни. Приходит время, когда служитель Божий видит, что дело свое он выполняет скорее по плоти, нежели в силе Духа Святого; что вся его личная жизнь, вся его самонадеянность и мудрость человеческая должны быть распяты и отброшены, дабы он мог жить жизнью полной зависимости от силы Духа Святого. И это Господь готов сделать для Своего служителя. Господь готов ему показать, почему именно служение его лишено силы Духа Святого. В первой и второй главах первого послания к Коринфянам ап. Павел говорит нам, что так называемое религиозное «я» и желание служить Богу по плоти и наружно,—что все это для служителя Божия воплощается в одном искушении искать свою силу в убедительных словах человеческой мудрости. Всякое воскресенье можно сказать одну или несколько прекрасных проповедей; всякое воскресенье можно овладевать вниманием слушателей посредством убедительных доводов и логичных рассуждений, наглядно им доказывая истину и применяя ее к жизни. И все-таки все это может совершаться без «явления духа и силы».

Один духовный писатель сказал: «Недостаточно проповедывать распятого Христа; Его следует еще проповедывать в **распятом духе».** Не довольно, что я проповедую Христа распятого; но весь дух и все приемы моей проповеди должны являть силу распятия. Сила эта смиряет и должна меня смирить; она убеждает меня, что нет во мне ничего доброго, нет никакой силы: эта сила заставляет меня в сознании моего полного бессилия пасть к ногам Господа. Проповедывать в силе распятия значит проповедывать в беспомощности, в которой Христос сошел в могилу, дабы могущество Божие проявилось в Нем. Он был распят в немощи,—воскрес в силе!

Как важно нам помнить, что всякий служитель Божий, благовествуя Евангелие, налагает духом своей проповеди известный отпечаток на сотни душ, его слушающих. Это будет или отпечаток глубокой духовности, или убедительных слов человеческой мудрости; или несокрушимой Божественной силы,—потому что вера слушателей утверждается на силе Божией,—или же это будет отпечаток мудрости человеческой, неосновательной и мимолетной.

Мало, я думаю, существует служителей Божиих, не сознающих недостатка успеха и силы в их служении. Нельзя не видеть, что и работа наша, и ее результаты далеко не достигают того, чего мы имеем право ожидать от силы и обетований Божиих. Чем же можно помочь в данном случае? — Как можно изменить такое положение дела? Затем, какие именно нам следует сделать шаги для достижения желанной цели?

Первый шаг — прежде всего **сознать** свои ошибки и **исповедать** их Богу. Когда, много лет тому назад, я впервые услыхал, что многие верующие сознают, что жизнь их не посвящена Богу и осуждают себя за это, я не понимал, в чем именно было дело. Но затем мне стало ясно, что, как грешник должен проникнуться сознанием своей вины пред Богом и сознанием греховности своей жизни, так и верующий, на половину живший по плоти, должен признать грехом всякую раздражительность, всякое необдуманное слово, всякую нечистую мысль; и он должен притти к убеждению, что нельзя все это считать немощью и неизбежным природным недостатком, но все это надо называть грехом. То же относится и к служителям Евангелия Христа Иисуса. Мы должны проникнуться сознанием своих ошибок в служении, осудить в нем участие нашего ветхого человека, увидеть свою самонадеянность и небрежность в вопросе отдачи себя водительству Духа Святого. Можете ли вы утверждать, что в вашей работе и в вашей проповеди первое место всегда занимает Дух Святой, а не ваша собственная мысль или воля?

Но существует и еще один, более существенный вопрос. Не только важно, чтобы Духу Святому были отданы ваша работа, ваша проповедь и ваше служение, но важно знать, руководит ли Он вообще всей **вашей жизнью**? Проникнута ли вся наша жизнь настолько Духом Святым, что Он может говорить чрез нас, как в нас Пребывающий и нами Руководящий? Когда я в былое время обращался со словом к служителям церкви в Англии и Америке, я приводил обыкновенно в заключение слова, написанные несколько лет тому назад одним престарелым писателем. Прочитав его мысль, я был ею так поражен, что списал ее в свою записную книжку и с тех пор постоянно ее вспоминал пред проповедью и после проповеди. Мысль эта следующая: «Прежде всего служитель Божий должен смиренно просить Бога, чтобы все, что он хочет видеть совершившимся в сердцах и жизни его слушателей, предварительно в действительности вполне совершилось бы в его собственной жизни». И, братия мои, если мы должны проповедывать своей пастве о необходимости исполняться Духом Святым и жить по Духу, мы должны свидетельствовать о том, что сами мы живем в силе Духа Святого. Если нам этого еще не достает, мы должны это сознать и исповедать Богу.

А затем мы должны иметь **веру в возможность** наступления в нас духовной перемены. Верьте всем сердцем Божественной истине, что Бог силен произвести великую перемену в вас и в окружающей вас церкви; уповайте на всесильное могущество Божие. Пребывайте в непрерывной связи с всемогуществом Божиим во всякий день вашего служения и во всякий час вашей христианской жизни. Верьте твердо, что Всемогущий Бог берет в Свои руки и жизнь вашу, и работу вашу; предоставьте Богу доказать Его всемогущество, побеждая грех в вас чрез Иисуса Христа, и сохраняя ваше сердце в радости Духа Святого. И тогда вы будете верить в силу Божию и для верующих, вас окружающих.

И так, первый шаг наш — сознание вины и исповедание ее Богу, а второй наш шаг — вера. Третьим же нашим шагом должна быть отдача себя Духу Святому и Христу, Который исполняет Духом Святым и Который сказал: «Кто верует в Меня, у того из чрева потекут реки воды живой» (Иоан. 7, 38). Отдадим же себя верою Христу Иисусу, и скажем самим себе: «Я отдал себя в распоряжение Духа Святого, пребывающего в сердце моем. Я буду жить по Духу и милостью Божией — жизнь моя будет проявлением силы Духа Святого!»

ТИХИЕ БЕСЕДЫ О МОЛИТВЕ.

С. Гордон.

Ч. III. Как следует молиться.

Гл. 2. Богодухновенность молитвы *).

Скрытые причины благословений.—Одним из замечательных, весьма наглядных доказательств силы молитвы служит пример проповедника Мооди. В действительности его молитвы заключается скрытая причина его из ряду вон выходящего успеха в деле привлечения людей к Богу. Удивительно, что факт этот известен лишь немногим. А, между тем, он принадлежит к числу таких, которые укрепляют веру.

Причину того, что Мооди с этой стороны так мало знают, следует, я думаю, искать в необычайной скромности этого дивного работника Божия. Только в последний год своей жизни говорил он о своих духовных переживаниях несколько охотнее.

В последний раз я слышал проповедь Мооди в его собственном собрании в Чикаго. Это было, мне помнится, в конце последнего года его жизни. Однажды утром в этой церкви,—сделавшейся известною благодаря его проповедям,—в простой задушевной беседе, не походившей на проповедь, поведал он нам следующее:

В семидесятых годах церковь эта еще не была достроена, поэтому он решил поехать в Европу, и поучиться у тамошних проповедников, как вести дело Божие, чтобы, вернувшись в Америку, продолжать здесь свою работу. Он поселился в Лондоне и искал сближения с выдающимися служителями Божиими...

Однажды вечером пошел он слушать Сперджена; узнав, что в тот же вечер Сперджен будет проповедывать еще раз по случаю открытия нового собрания,—по окончании беседы Мооди чуть-ли не бегом последовал за экипажем Сперджена, чтоб не пропустить его второй проповеди. «Так велика была во мне жажда познакомиться с таким человеком»—заметил с улыбкой Мооди.

Сам он не говорил тогда нигде—он все только слушал других. Но вот однажды, идя в большую залу собраний, он почувствовал потребность сказать несколько слов пред началом беседы, что он и сделал. По окончании собрания к нему подошли многие; между ними был один человек, пастор, который обратился к нему с просьбою—сказать вместо него проповедь на другой день утром и вечером, на что Мооди согласился. «Я пошел на утреннее богослужение»,—продолжал свой рассказ Мооди, —«большое помещение было полно народа. Настало время проповеди... Никогда еще в жизни не было мне так трудно говорить, как в этот раз! На лицах моих слушателей не видел я ни малейшего сочувствия к моим словам: каменные лица с холодным, как лед, выражением!

Тяжело было у меня на душе! Хотелось далеко бежать от этого места... Я жалел, что обещал пастору говорить тут еще и вечером того же дня. Но делать нечего: обещание было дано, и вечером я опять пошел на проповедь. Помещение было полно слушателей; меня приняли вежливо, но опять—ни малейшего сочувствия, ни малейшего интереса к моим словам не видел я! И жутко мне стало... Тем не менее—я продолжал говорить... И тут вдруг произошло что-то странное: посреди проповеди настроение моих слушателей неожиданно для меня как-то поднялось... Точно отверзлись окна небесные, точно дыхание

---

*) См. «Христианин» № 6 за 1927 г.

свыше осенило все собрание!.. Атмосфера изменилась сразу. Переменилось и выражение лиц... Все это так меня поразило, что, по окончании проповеди, я предложил встать тем из присутствующих, которые хотят начать новую, христианскую, жизнь. Я полагал, что таких найдется не много. Каково же было мое удивление, когда начали вставать сразу целые группы людей, целые ряды...

«Что это значит?»—спросил я присутствовавшего тут же пастора. «Право, я и сам не понимаю, в чем тут дело».—«Вероятно, они меня не так поняли»,—сказал я.—«Сейчас я им еще раз все объясню».

Слушатели были приглашены перейти в имевшееся под собранием помещение, где я им объяснил, что **остаться теперь в церкви предлагаю только тем, которые хотят начать новую жизнь**; ясно изложив им, что значит «обратиться к Господу», я предложил желающим вернуться в церковь и сам поднялся наверх. За мною последовало множество слушателей: все скамьи сразу переполнились народом; многие стояли за неимением мест. Сказав им несколько слов, я снова предложил встать тем, кто желает обратиться к Господу. Теперь я уже не мог сомневаться, что вполне ясно объяснил им всю суть моего приглашения. Но опять—встали почти все, встали сотни людей!

Тогда я сказал пастору:—«Да что же это значит?»—«Ничего не понимаю!»—отвечает тот,—«и не знаю, что им сказать; для меня самого все это совершенно ново».—«На вашем месте,»—отвечал я,—«я назначил бы проповедь и на завтра, и на вторник вечером, и посмотрел бы, что из этого выйдет; что касается меня, то я собираюсь съездить в Дублин».

Так думал сделать Мооди. Но едва успел он на другой день вступить на пароход, как ему подали записку от пастора; тот писал: «Вернитесь, пожалуйста, немедленно. Все собрание полно. Ждем вас».

Тогда Мооди вернулся обратно,—и провел в Лондоне после этого еще десять дней. В результате оказалось, что в течение этих десяти дней **четыреста** новых членов присоединилось к этой церкви, и все соседние церкви испытали на себе благословенное влияние проповеди Мооди.

«Мысли мои»,—сказал нам в заключение своего рассказа Мооди,—«до того времени не шли дальше этой церкви в Чикаго: я думал, всю жизнь буду работать только здесь. Но в тот памятный день я понял, что Господь призывал меня проповедывать в разных местах. Так я Ему и служу до сих пор».

Но в чем же заключалась разгадка столь обильного излияния благодати Божией на эту церковь в то памятное воскресение и в последующие дни? Причина была **не в личности** самого Мооди, хотя он и был орудием, которое Бог так дивно применил к совершению дела Своего. Ни при чем был в этом также и пастор, потому что сам он был сильно поражен случившимся в его церкви духовным пробуждением. Должна была очевидно существовать какая-то тайная причина, вызвавшая события тех десяти дней... Со свойственными ему энергией и проницательностью Мооди принялся ее доискиваться.

Мало-по-малу ему удалось ее открыть.

Оказывается, что незадолго до того времени заболел одна женщина, член той церкви. Состояние ее здоровья все ухудшалось, и врач перестал надеяться на ее выздоровление. Он сообщил своей пациентке свое мнение, а именно—что ей не угрожает немедленная смерть, но что, быть-может, долгие годы придется ей лежать в постели. И вот теперь она лежала и думала об этом приговоре доктора. «Долгие годы так неподвижно лежать на спине!»

И она стала припоминать свое прошлое. Ее поразила мысль: «Как мало в своей жизни сделала я для Бога! В сущности—ничего. А теперь уже тем более ничего не смогу, раз не в силах встать с постели!» Но вдруг в голове ее блеснула мысль: «Нет. **Одно** я могу—молиться»...

Отвлекаясь на минуту от моего рассказа, позволяю себе заметить, что часто Бог посредством болезни отстраняет нас от мира; Он допускает, чтобы телесная немощь заставляла нас проводить время в одиночестве: только этим именно путем отзывая нас от земных интересов и всех прочих дел, может Он принудить нас сосредоточить все внимание на том, что благоугодно Ему нам открыть, заставить нас **понять**, и **научиться многое видеть**—в свете Его. Я уверен, что часто именно таков бывает для нас путь Божий...

Больная женщина сказала себе: «Буду молиться». И Бог внушил ей молиться **за церковь**, членом которой она была. От своей сестры, члена той же церкви, узнавала она о том, что происходило за стенами их дома. Всякое воскресенье, по возвращении сестры из церкви, она обыкновенно ее спрашивала:—«Не случилось ли чего нового?»—«Нет», всякий раз отвечала на это сестра. И всякую среду вечером, после молитвенного собрания в церкви, больная опять обращалась к сестре с вопросом:—«Не заметно ли было особенного оживления сегодня в церкви? Верно что-нибудь да было необыкновенное».—«Нет, ничего; все те же старые члены церкви, и молились, как всегда».

Но вот в одно воскресенье, вернувшись из церкви, сестра больной спросила ее:—«Как ты думаешь, кто говорил сегодня у нас проповедь?»—«Не знаю: а кто же?»—«Да какой-то приезжий из Америки; фамилия его, кажется, Мооди». При этих словах лицо больной побледнело; она закрыла глаза и спокойно сказала:—«Я знаю, в чем дело. Бог особенно посетил нашу церковь... Не приноси мне обеда. Сегодня я должна молиться весь день». Так она и сделала. А в тот же вечер и произошло вышеописанное нами духовное пробуждение членов той церкви.

Когда узнав все это, Мооди посетил больную женщину, она ему рассказала, как года два тому назад попал ей в руки один печатавшийся в Чикаго духовный журнал; в нем она прочла одну из проповедей Мооди. Прочитанное ею зажгло огонь Божий в ее сердце; проповедь была подписана именем Мооди. С этого дня женщина начала молиться, чтобы Бог послал этого проповедника в Лондон, в ее церковь. Но проходили месяцы, прошел год, протекло и еще много времени, желание ее не исполнялось; но, тем не менее, женщина все продолжала молиться о том же. Кроме Бога и ее самой не знал об этом никто. Все, казалось, шло в церкви попрежнему. А больная не переставала молиться о ней.

И вот,—молитва ее возымела просимое действие: внушенное Духом Святым воздыхание к Богу никогда не остается не услышанным... В этом-то и заключается вся суть истинной молитвы.

В ответ на прошение этой больной Дух Божий понудил Мооди сесть на пароход, поехать в Лондон, и притти не в какую-нибудь другую, а именно в ее церковь. Далее—последовала опять усиленная молитва, и сраженная ею вражья крепость, наконец, не устояла: она сдалась Богу в этот памятный воскресный вечер!

Не думаете ли вы,—сам же я в этом нисколько не сомневаюсь,—что, когда «ночь» пройдет, когда настанет светлое «утро» и мы «познаем, подобно как мы познаны» (I Кор. 13, 12), тогда окажется, что силою, которая вызвала такое небывалое духовное пробуждение множества народа вследствие проповедей Мооди, была именно сила молитвы этой больной? Конечно, имел значение во всем этом и сам Мооди, как даровитый и всецело посвященный Богу служитель Его; помогли ему в этом деле и многие другие верные слуги Божии. Но прежде всего все духовное движение того времени обязано было своим происхождением именно молитве этой женщины.

Имя ее мне осталось неизвестным. Я знаю только имя Мооди. Я могу назвать многих деятельных соработников его, но имя той женщины, которая

была неведомым для него самого тайным его помощником—осталось мне неизвестным. Да, это было действительно служение Богу втайне. Не знаем мы, не видно нам—кто именно «велик» в Царствии Божием!..

Говорят, что женщина эта все еще жива, все продолжает молиться... Будем же молиться и мы! Решимся отныне—пребывать в молитве. Если есть на земле дело существенной важности, дело, влекущее за собой великие последствия, так это есть молитва, нами возносимая Богу за других.

Молитва об осуществлении предначертаний Божиих.—Имея в виду великое значение молитвы, я хочу указать, **как именно** следует молиться.

Прежде всего, молясь, необходимо **понять предначертание**, цель, план Бога; во-вторых, следует молиться об **осуществлении** его. Мы должны узнать, что благоугодно Господу и затем просить Его это выполнить.

На земле один лишь Сын Божий творил волю Божию. Он пришел в этот погибший мир, чтобы исполнить волю Отца. Затем Он ушел из этого мира. И теперь ищет Он на земле людей, которые, находясь в непосредственном духовном общении с Ним, дали бы Ему возможность **в них** и **чрез них** совершать Ему угодное на земле.

Люди эти должны преображаться в образ Христов; в них должен изображаться Христос Иисус, и воля Божия должна снова чрез них осуществляться на земле. Итак—молитва есть утверждение плана Божия для нашей жизни вообще, а вместе с тем, и обращение к Богу с прошением о том, чтобы план этот был выполнен.

Главная цель и суть молитвы—познание воли Божией и проведение ее в жизнь.

Установив это, мы можем понять, как нам следует молиться.

Мне часто приходилось собираться с другими людьми для совместной молитвы. Они приносили в молитве Господу всякого рода нужды. Каждый из присутствовавших имел свою нужду. Мы преклоняли колена и молились. И, слушая их молитвы, я часто думал, нимало их однако не критикуя, что мне следует молиться так: «Благословенный Дух Святой! Ты знаешь этого человека и видишь, чего ему недостает. Ты видишь, в каком затруднении и этот, другой... Знаешь Ты и ту больную женщину, и все скорби ее. Ты видишь дело, которое мучит того человека, и все препятствия, стоящие на его пути. Благословенный Дух! Вложи в меня молитву, **которую мне следует вознести** за каждого из этих людей, за все их затруднения, и за все их нужды. Исполнения всех этих молений я прошу Тебя во имя Господа Иисуса. Да будет воля Твоя во всех этих обстоятельствах».

Иногда мне бывает вполне ясно, что именно мне следует в молитве просить, но в большинстве случаев я затрудняюсь, **о чем** надо молиться. Мне могут быть известны **некоторые факты** из жизни того или другого человека, но мне не известно **все.** Я вижу, что тот или другой человек нуждается в молитве за него, знаю, что он—человек верующий; я могу знать и склад его ума, и его взгляд на вещи, и его желания; но стоит мне не знать чего-либо одного в его жизни, и это одно, мне неведомое, может помешать мне составить верное представление о его духовных нуждах. И вот я не могу молиться о нем, как должно. Но, если я дам Духу Божию простор в сердце своем, и сознательно захочу сделаться орудием Его—Он Сам будет ходатайствовать во мне за этого человека... Внимающий на небесах молитвам, с земли возносимым, слыша, что с земного поля сражения к Нему возносится за этого человека молитва, **согласная** с предначертаниями воли Его, исполнит просимое. И ответ получится—ради победы, одержанной Господом Иисусом над лукавым.

Но я могу сделаться и настолько чутким к мыслям и присутствию Духа Святого, что мало-по-малу **я сам научусь** верно и сразу просить у Бога того,

что входит в планы Его. И поскольку я этому научаюсь, постольку я становлюсь участником совершения на земле воли Его.

Место встречи с Богом.—Существует шесть указаний того, как следует молиться.

Во-первых, для молитвы нужно **время**, свободное время днем, чтобы мы могли, не торопясь, и не смотря на часы, предаться молитве. Я не говорю о том, чтоб, поспешно встав с постели в последнюю минуту, и одевшись, преклонить колена и несколько минут помолиться, чтобы стало легче на душе; не такую молитву имею я в виду. Конечно не лишне помолиться и так. Я этого не критикую: не мешает начать день хотя бы с такой молитвы. Но я говорю о другом: о необходимости отдать **вдумчивой**, сознательной молитве **определенное время** днем, когда ум свеж и не́куда торопиться.

У нас всегда мало времени. Жизнь так пестра. Вечно нам не́когда! И тем не менее необходимо отнять нужное для молитвы время от какого-либо другого, тоже важного, но все-таки менее важного, чем молитва, дела.

Без жертв жизни не бывает. Ради чего-нибудь одного приходится жертвовать другим. И вот тут необходимо зрело обсудить, что̀ в нашей жизни **важнее всего**: иначе сила наша будет тратиться на незначительное, а главное останется невыполненным, или будет сделано небрежно остатками ушедшей на мелкие дела силы. Чтобы ходатайство наше пред Богом было действенно, и моление наше успешно, мы должны уделять днем спокойное время для молитвы.

Второе условие: для молитвы необходимо **место**. Молиться вы можете, конечно, всюду, где бы вы ни находились. Но все это не то; Господь сказал: «Войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись отцу Твоему, Который втайне» (Матф. 6, 6). Необходимо «затворить дверь»: она отделяет человека от мира внешнего, и не впускает в сердце ничего земного. Бог именно здесь встречается с душою. Необходимо очутиться в одиночестве, чтобы понять, что одиночества не существует. Насколько мы одиноки в смысле обособленности от людей, настолько же мы обеспечены постоянною близостью к нам Бога.

Для того, чтобы ухо наше открыто было голосу Божию, нам необходимо иметь известное для этого время и находиться в определенном месте.

Мать непременно услышит всякий крик своего ребенка. Голос его несется, быть-может, издали, он едва слышен, не слышен никому, кроме нее; но мать ловит малейший звук, и спешит тотчас на зов своего любимца. Ее слух особенно тонок; любовь сделала его чутким.

Так необходимо и нам воспитывать **духовный наш слух**. Спокойная комната исключает все прочие звуки, и дает уху сердца нашего—слышать и различать звуки иные, небесные.

Простой пример: один человек стоял в телефонной будке, переговариваясь с кем-то, но никак не мог понять слов человека, с ним говорившего. Он все время повторял: «Не слышу; ничего не слышу»... Стоявший рядом с ним человек резко сказал ему: «Если вы не закроете двери, вы и не услышите ничего». Закрыв дверь, он, действительно, ясно услышал голос говорившего с ним по телефону. Некоторые люди «плохо слышат», потому что недостаточно крепко «затворяют свои двери»: голос человеческий и голос Божий смешиваются в ушах их, и они не могут их хорошо отличать друг от друга. Часто в этом виновата «дверь». Закройте ее, и вы услышите, что вам говорит Господь.

Третье условие должно быть особенно подчеркнуто: **дайте Книге Божией место в вашей молитве.** Прежде надобно слушать, затем говорить. Молитва нуждается в трех органах тела человеческого: в ухе, языке и глазе. Прежде всего необходимо «ухо», чтобы услышать, что говорит Бог; затем нужен

«язык», чтобы начать самому говорить, и «глаз», чтобы увидеть последствие этой беседы.

Изучение Библии действует на духовный слух человека. Предначертания Божии познаются слухом, проникают в сердце, принимая окраску вашей личности, и приносятся в молитве Господу. Долго приходится Богу нам говорить, пока мы, наконец, услышим голос Его. Он все время говорит к сердцу нашему, но даже в том случае, когда мы **хотим** Его слушать, звуки земные заглушают для нас голос Его.

Бог говорит в Слове Своем. Из Слова Его получаем мы наибольшее познание о Нем. Книга Божия—отражение Самого Бога. Она была внушена Духом Его, она богодухновенна. Сам Господь говорит в вечной Книге Своей. Это и выделяет ее из числа прочих книг. Серьезное, осмысленное, благоговейное изучение ее—открывает нам волю Божию. То, что говорит Бог, вполне изменяет то, что хотели бы сказать вы.

Четвертое условие—следующее: **предоставьте Духу Святому научить вас, как молиться.** Чем больше вы молитесь, тем более вы будете сознавать, что «не умеете молиться». И Бог знает это. Апостол Павел убедился в этом из своего личного опыта. Какое удивительное его это слово: «мы не знаем, о чем молиться, как должно; но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными!» Этот Ходатай за нас обладает в совершенстве искусством молитвы; Он—Дух молитвы. Бог послал Его на землю; Он пребывает и в вас, и во мне, и может научить нас трудному искусству молитвы. Предоставьте-же Ему учить вас!

Когда, выбрав спокойное для чтения Слова Божия время и место, вы к этому чтению приступаете, молитесь так: «Благословенный Дух молитвы, Дух Господень! Научи меня молиться!»—и Он сделает это.

Не волнуйтесь и не беспокойтесь о том, что—вдруг вы не поймете Его голоса. Научитесь спокойствию, тишине ума и тела. Успокойтесь и слушайте, и терпеливо ожидайте слов Его.

Тогда молитва ваша постепенно сделается совсем иною. Вы научитесь говорить с Богом просто, как вы говорите с людьми,—конечно, только с несравненно большею глубиною чувств и с святым благоговением. Вы будете спокойно просить того или другого. Условные, общепринятые молитвенные выражения понемногу исчезнут. Слов станет, может быть, меньше, но они будут произноситься с полною верою в то, что просимое вами согласно с волею Божиею.

Просить Духа Святого руководить нами следует и в начале, и в середине, и в конце молитвы: Он есть Дух молитвы по преимуществу. Повиновение водительству Духа Святого—есть высший закон христианской жизни. Необходимо **приучиться слышать** голос Духа Божия, и не принимать наших **случайных мыслей за голос Его.** Следует предоставить Ему учить нас, как молиться и как направлять нашу молитву. Духу известно, какое сопротивление лукавого ожидает нас. Он главный Вождь на этом поле сражения.

Бывают временами минуты, когда что-нибудь особенное овладевает душой: или соблазн, или скорбь, или опасность согрешить. Поэтому должны существовать особые моменты и для усиленной молитвы, пока победа Духа Святого в душе человека не завершится. Прислушивайтесь к внушениям Духа.

Иногда внезапно приходит желание молиться, или просить других помолиться за нас. А мы между тем, вместо того, чтобы так и поступить—говорим себе: «Да ведь я только что молился», или: «он, конечно, об этом и без того молится. Не хочется ему напоминать»... Это совершенно неправильно: следует повиноваться голосу Духа, и, без лишних слов и объяснений,—просить того или другого человека молиться с нами, или за нас.

Пусть же животворящий Дух Святой научит вас молиться! Это случится не сразу: сначала во время молитвы вы будете предоставлены самим себе; но, если вы только этого искренно ищете, и терпеливо ожидаете,—тогда Дух Святой научит вас молиться, внушит вам определенные прошения, вложит даже слова молитвы в ваши уста.

Главная цель всех перечисленных мною условий для успешной молитвы, как вы видите, состоит в **познавании человеком воли** Божией. Спокойное место, тихий час, вечная Книга и Дух Святой, вот, по словам А. Меррей обстановка молитвенной школы. Тут откроется нам воля Божия. Узнав ее, мы будем страстно желать ее исполнить, и усердно молиться об этом.

В Псалмах и пророчествах Исаии мы встречаем чудное слово—«**жидать**». Оно часто употребляется для обозначения нашего общения с Богом, открывающего нам волю Его, и Его желания. Слово это имеет знаменательное и глубокое значение. Понятие «ожидания» несовместимо с представлением случайного молитвенного порыва или торопливости. Наоборот: оно связано с понятием о **постоянстве**, о выдержке, о **терпении**, т.-е. выносливости, с понятием о **надежде**, чающей помощи свыше, о **послушании**—т.-е. о готовности повиноваться, итти или действовать; оно связано с понятием о внимательном **прислушивании**, в покое и безмолвии, к голосу Божию.

Могущество имени Христова.—Пятое условие уже упоминалось, но не мешает его повторить: молитва должна приноситься во **имя Иисуса Христа**. Наше усыновление Богом совершилось чрез посредство Господа Иисуса. И сама молитва должна быть принесена во имя Его, потому что весь центр тяжести заключается в Нем. Будем твердо помнить, что мы можем приближаться к Богу только чрез Господа Иисуса.

Как никакой, хотя бы самый опытный, адвокат не имеет права защищать тяжебное дело в чужой стране, так как не имеет в этой стране официального положения,—так и мы с вами не имеем никакого права предстать перед лицом Божиим: мы потеряли все свои преимущества благодаря греху. Только чрез единого Посредника имеем мы доступ к Отцу Его.

Но посмотрим, что значит приходить к Отцу «чрез» Сына Его. Это все равно, как если бы Господь Иисус **молился в нас**. Это то же самое, как если бы Сам Господь Иисус взял вас за руку, подвел к Отцу и сказал: «Отец, вот один из друзей Моих; он близок Моему сердцу. Прошу Тебя, дай ему все, чего он просит; сделай это ради Меня». Такому человеку Господь выказывает благоволение Свое, как бы говоря ему: «Чего ты просишь? Ты получишь все, раз Сын Мой просит за тебя». Таково приложение к жизни прошения «во имя Христа Иисуса».

Но я вполне убежден, что, в сущности, употребление при молитве имени Христова имеет силу еще и в виду победы Господа Иисуса над князем мира сего. Молитва доносит до сатаны имя Победителя, и обращает его в бегство. Если кто-либо настойчиво молится во имя Иисуса, лукавый должен удалиться.

Шестое условие известно всем, однако часто понимается совершенно превратно. Молитва должна приноситься **с верою**. Мы должны верить не в то только, что Бог **может** исполнить просимое, но главное в то, что Он **хочет**, и что Он **дарует** нам просимое. Человек молится и в заключение говорит: «Отец! благодарю Тебя за это; благодарю Тебя за то, что Ты это совершишь». А затем принимается за свои обычные занятия, говоря себе: «Моя просьба исполнена». И между делом он снова благодарит Господа, а не идет к Нему опять с тою же просьбою.

«Но» может быть возразят мне, «способны ли мы все иметь такую великую веру? Может ли человек **заставить** себя верить?»

Внезапно, механически, веру в себе создать, конечно, невозможно. Многие серьезные христиане впадают здесь в ошибку. Такой верой обладают не все. Вера в то, что Бог **сделает** вами просимое, не родилась внезапно; возникла она не в прахе земли, не в говоре шумной толпы: зарождается эта вера и постепенно крепнет во всяком сердце, которое **пребывает в постоянном общении с Богом**, и слушает голос Его в Его Слове.

В таком сердце возникнет простая крепкая вера: человек верит, что то, что ему дано Духом Святым просить у Бога—исполнится.

Такой вере причастны отличительные черты: она **мудра**—она познает волю Божию. Вера никогда не противоречит разуму. Иногда она превышает его; процесс мышления иногда даже не может достичь высоты прозрения веры. Во-вторых, вера **послушлива**; верующий человек сообразует свою жизнь с волею Божиею. Затем такая вера исполнена **надежды**. Она ожидает ответа. Она «наклоняется к земле», посылает отрока «смотреть к морю» (3 Цар. 18, 43)... И, наконец, вера **постоянна**. Она настойчива. Она «посылает смотреть отрока семь раз», говоря: «Иди еще семь раз, иди седмижды семь раз»... Она говорит себе, что ей воля Божия известна, что конечно в Боге перемены нет, а если замедляется получение ответа на молитву—то это зависит от сопротивления третьего лица—врага; и эта упорная, непреклонная уверенность веры в могуществе имени Победителя обращает сатану в бегство: победа остается за нею.

НОЧЬЮ.

(Перед сном).

Тишина немая.
Ночь и люди спят...
Лишь кой-где мигая,
Огоньки горят...

Хорошо порою
В угол мирный свой
Нам притти к покою—
Телом и душой!..

Не оставь бездомных,
Боже, на пути!
От обид и горя
Их Ты защити!..

Ф. Санин.

Отгони ты прочь сомненья,
Что волнуют твою грудь —
В час смертельного боренья
Ты молись и бодрым будь!

И все козни, искушенья
Силой свыше победи!
И с врагом души – в сраженье
Смело, бодро ты иди!

В. С.

ПРИТЧА О НЕВЕРНОМ УПРАВИТЕЛЕ [1]).

Лук. гл. 16.

Притча о неверном управителе, по мнению многих толкователей, представляет большие трудности для понимания, а Каэтан, по заявлению Тренча, признает эти трудности даже „непреодолимыми".

Толкований этой притчи много, и зачастую совершенно противоположных по своему характеру, но Тренч находит, что ни одно из них неудачно. Некоторые наиболее удачные,—хотя все же не вполне,—он приводит в своем труде, разбирает и указывает их слабые стороны; там же приводит он и свои личные об'яснения. По его убеждению смысл притчи—христианская мудрость: **пользоваться мирскими благами против самого же мира, Бога ради.**

Просмотрев все об'яснения, приведенные Тренчем, я нахожу, что, действительно, они неудачны, включая сюда и его собственные об'яснения.

Неудачными все эти толкования я нахожу вот почему: все они считают **вообще** мирское богатство **неправедным,** так как оно призрачно. На это я возражу следующее:

Конечно, богатство, добытое **нечестным** путем, будет неправедно, но ведь в притче не говорится о том, **как** оно добыто; что же касается призрачности мирского богатства, то хотя оно и в действительности таково, но из этого не следует, что оно вообще „неправедно".

Кроме того, богатство, которое было вверено управителю — не было его собственностью, и Христос **не мог** сказать, что управитель был вправе приобретать себе друзей при помощи этого богатства.

В притче управитель назван „неверным" именно потому, что он **растрачивал** чужое, вверенное ему богатство, которое **само по себе вовсе не есть неправедное**: оно становится таковым лишь в руках управителя, как расстрачиваемое **чужое** богатство.

В силу тех же причин „неправедными" становятся и те части долгов должников хозяина, которые управитель простил им, распорядившись таким образом чужим имением для приобретения себе друзей, т. е. опять-таки в виду личных интересов, не руководствуясь пользой хозяина; хозяин доверил ему свое имение для того, чтобы он улучшил его и умножил, а не для того, чтобы он присваивал его себе, растрачивая его в свою пользу.

За свои труды управитель, конечно, получал от хозяина жалованье, как известное вознаграждение, что являлось **уже его собственностью,** и потому, понятно, даже в его руках деньги эти являлись **богатством праведным,** которым он мог распоряжаться вполне по своему усмотрению, не заслуживая названия „неверного управителя". Но он не довольствовался жалованьем, т. е. праведным богатством, но растрачивал вверенное ему **чужое имение в свою личную пользу,** отчего и назван „неверным".

Распоряжаться частями долгов должников хозяина он не имел права, так как это было чужое имение: это были долги, хотя и по имению, по его управлению, но все же долги **хозяину,** несмотря на то, что **расписки были выданы управителю;** это последнее обстоятельство и дало ему возможность простить части долгов, т. е. снять эти части долгов с их расписок, выданных ему, как управителю имения; но, в сущности, долги **эти** были ведь не ему, и простить их он не имел права. Следовательно толкования в этом смысле—не правильны. Христос не мог учить такой „мудрости", слишком низкопробной.

В притче заключается совершенно иной смысл, который не расходится с общим учением Христа и который действительно мог бы быть назван христианской „мудростью". Поступок управителя, действительно, мог заслужить похвалу Христа, Который назвал этот поступок „догадливым".

Чтоб выяснить значение притчи, по моему надо обратить внимание на то, **после чего, после какой части притчи,** Христос произнес: „И Я вам говорю: приобретайте друзей богатством неправедным".

---

[1]) Личный взгляд автора.

Оказывается, слова эти Христос произнес после слов господина: „Сыны века сего догадливее сынов света в своем роде".

Что же значила эта фраза? А вот ее смысл: „Сыны века сего (люди мирские) догадливее сынов света (людей духа) в своем роде, т. е. **„в мирских делах"**, и таким образом догадливость сынов века противопоставляется недогадливости сынов света, т. е., перефразируя сказанное: „Люди мирские догадливее в мирских делах, чем люди духа в делах духа".

Теперь, мне кажется, и слова Христа: „И Я вам говорю: приобретайте друзей богатством неправедным" — принимают иной смысл. Это совет Христа людям духа **быть догадливыми в делах духа, приобретая друзей богатством неправедным.** Остается неясным, что же это за „неправедное" богатство?

Но мне кажется ясным, что здесь говорится про **богатство духовное,** так как люди духа должны быть догадливы в делах духа, т. е. в управлении духовным богатством. Но что же это за „духовное богатство"? Конечно, это наши духовные способности, данные нам Богом (Господином) в наше пользование в продолжение жизни, но которые мы должны улучшать и умножать, как и управитель в притче, при чем считать, что все это дано нам Богом не в собственность, т. е. не для наших личных нужд и дел, а для духовной эволюции. Это—закон Бога. Это—Его требование.

Что наши духовные способности не представляют собою нашей собственности, а суть лишь духовное „имение", вверенное Богом нам в управление, — это видно по смыслу двух притч Христа: „О талантах" (Матф. 13, 30) и „О минах" (Лук. 12, 26); духовная волевая эволюция, волевая самокультура, иначе говоря—забота о развитии своего духовного „я"—есть наша обязанность перед Богом. Установив, что именно подразумевается под понятием „духовного богатства", данного нам Богом в наше управление, выясним, „неправедно" оно или „праведно". И, если —праведно, то при каких обстоятельствах оно может быть „неправедным"?

Если мы вдумаемся в притчу, то нам станет ясным, что само по себе духовное богатство, вверенное нам Богом — праведно, но оно может **стать** неправедным в наших руках, если мы его будем употреблять для своих личных целей, а не увеличивать для высших Божественных целей, а тем более, если станем все растрачивать, так как оно принадлежит не нам, а давшему его нам во временное пользование в продолжение нашей земной жизни.

Если мы так неправильно употребляем свое духовное богатство, мы становимся „неверными управителями".

Как и управитель в притче—мы за свои труды получаем награду, что уже будет нашей собственностью: это тот жизненный **результат,** та **жизненная обстановка,** которая является следствием обладания нами данными духовными способностями — нашим духовным богатством.

Конечно, обладание большими способностями вызывает, как следствие, и лучшую материальную обстановку, — это и есть наша награда, и наша собственность, которой мы и вправе пользоваться, не нарушая закона Бога.

Чем больше мы вкладываем нашего труда в управление, вверенным нам Богом, духовным имением, тем больше и награда наша (жалованье). Это мы должны ясно сознавать и помнить! „Ищите прежде всего Царства Божия и правды Его" и все остальное (т. е. блага земные) **„приложится** вам" (Матф. 6, 33). Очень часто мы не довольствуемся, как и управитель в притче, своим жалованьем,—собственностью нашей, а растрачиваем вверенное нам Богом духовное богатство, по своим людским слабостям, **на чисто материальные,** личные, зачастую недостойные цели, удовольствия, и развлечения, не имея перед собой высших духовных целей! Зачастую высокоодаренные духовно люди падали совершенно, теряя свои духовные способности, истрачивая их попусту, и гибли затем окончательно, никем не поддерживаемые, так как **не имели около себя друзей,** могущих им помочь, поддержав нравственно, своевременно протянув дружескую руку и своевременно образумив.

Друзей же у них не оказалось в силу того, что они и **сами никому не помогли, не прощая им никогда духовных долгов;** они были люди сухие, черствые, т. е. эгоисты в полном смысле слова. В этом выражается их

„недогадливость". Между тем „сыны мира", зачастую, растрачивая чужое, бывают „покладисты" и к другим (рука руку моет — говорит пословица), и таким образом приобретают друзей, которые их и поддерживают потом. Известно, что между ворами очень развита взаимопомощь и взаимная поддержка.

Но как же должен поступать человек, растративший духовное богатство, вверенное ему Богом, чтоб быть „догадливым"?

В притче „неверный управитель" снял со счетов должников хозяина части их долгов, так как эти долги были в его управлении, в его распоряжении.

Так и у Бога есть должники, которые не выполнили некоторых обязательств перед Ним, одни—по управлению вверенного им **имущества**, а другие—как бы по распискам.

Эти расписки — обязательства людей перед Богом — **суть наши отношения к ближним нашим.** Все они перечислены в евангелии Матфея от гл. 5, ст. 20 и до гл. 7 ст. 14. И, хотя они представляют собою долги Богу, но, вместе с тем, говоря фигурально, расписки по этим обязательствам находятся в наших руках, **в руках людей,** ибо касаются отношений людей между собою.

В праве ли мы прощать грехи ближних наших? Как будто бы, **нет,** так как право **прощения** принадлежит Одному Богу, но, вместе с тем,—постольку, поскольку грехи эти касаются **лично** нас—мы простить **можем,** по милосердию, по незлобию. **Мы как бы скидываем с счета должника эту часть** его **долга**. Тут как будто противоречие: с одной стороны—мы в праве простить ближнему часть его долга, которая относится лично к нам, т. е. находится как бы в нашем „употреблении"; а с другой—**и** эту часть может простить ему только Бог Один, так как **все** Ему принадлежит, а мы — только Его „управители". Значит, прощая, мы как бы нарушаем право Бога, как бы **пользуемся чужим правом,** и, таким образом,—этот прощенный нами долг, эта прощенная сумма является как бы нашим „богатством неправедным". Но использование этого „богатства неправедного", т. е. проявление нашего милосердия, есть акт **благоразумия** (Матф. 6, 14 и 18, 21—35), и Сам Господин наш признает его заслуживающим похвалы, когда говорит, что управитель тот „догадливо" поступил.

Таким образом, когда мы прощаем ближним долги их нам,—то мы поступаем „догадливо", потому что такое наше отношение к ним сделает их нашими „друзьями", которые помогут нам в минуту беды; это значит, что когда мы лишимся „управления", нашим „духовным богатством", потеряем его — они поддержат нас нравственно, а вместе с тем—чувство их к нам будет как бы ходатаем за нас перед Богом...

Мы окажемся „управителями неверными", распоряжаясь тем, что не нам принадлежит; но молитвы их заслужат нам снисхождение Божие.

Что эту притчу надо понимать именно согласно вышеприведенному толкованию, следует из того, что к неправедному **материальному** богатству она не могла относиться, так как это противоречило бы Свящ. Писанию, где во многих местах говорится, что приношение жертвы от неправды есть приношение „порочное", что кто приносит жертву от неправедного стяжания, того приношение „оскорбительное".

Только **полное отречение от прежней жизни,** раздача „неправедного" нашего „богатства" всего целиком—правильно (Лук. 19, 3); между тем—в „управителе" разбираемой нами притчи не видно ни раскаяния, ни исправления: он до конца остается „неверным", и, тем не менее, заслуживает похвалу от господина своего. Затем: что притчу эту следует понимать именно так, видно из того, что сказана была она **при фарисеях** (стихи 14—15), „которые хотя и выказывали себя праведниками перед людьми, но были мерзостью перед Богом".

Действительно: ведь фарисеям было вверено не только их собственное духовное богатство, но и духовное богатство других людей, так как они являлись руководителями народа; а между тем они оказались „неверными управителями" уже в полном смысле слова, так как духовное развитие народа низвели к исполнению **буквы** закона, пренебрегая **духом** его, а вместе с тем, благодаря своей заносчивости, гордости и отсутствия милосердия, не могли приобрести себе „друзей".

К. Козлов-Угринин.

Группа слушателей Ленинградских Библейских Курсов 5-го выпуска. Слева на право стоят бр. бр. Чепиров (осетин), Петруха (украинец), Разумнев (белорусс), Иванов (вотяк), Кокаев (осетин). Сидят: Ласман (латыш), Матушкин (великоросс), Берг (немец).

Редакция получает с мест сообщения о ревностной работе лиц, изображенных на фотографии.

АССИРИЙЦЫ.

Ассирия—древнее государство в Азии, находившееся на реке Тигре. Оно было основано **Ассуром** за 2220 лет до Р. Х.

При Нине и его жене и приемнице Семирамиде, оно достигло могущества.

В 606 г. до Р. Х. Ассирия попала под владычество магометан, и потеряла свою самостоятельность; мало-по-малу цветущая страна превратилась в пустыню, и впоследствии была присоединена к Мидийскому царству.

Главным городом Ассирии была Ниневия.

Ассирийцы достигли высокой культуры, памятники которой восстановлены раскопками Лейярда и другими учеными.

Библия во многих местах указывает на этот народ.

В настоящее время ассирийцы не имеют своего государства, а потому рассеяны по всему миру. Большая часть находится в Персии и Турции.

Там ассирийцы ведут жизнь оседлую. Занимаются земледелием. Исповедают несторианство.

Около 1850—60 годов, Американское Миссионерское Общество открыло свою деятельность среди ассирийцев, главным образом—в Персии. Приехавшие миссионеры начали основывать колледжи, больницы и приюты, и разными мерами содействовать развитию культуры. На ряду с этим началась и проповедь Евангелия.

Ассирийцы, притесняемые персами, сочувственно отнеслись к деятельности Миссионерского Общества, и евангельская весть нашла отклик во многих сердцах.

Приблизительно в 1890 годах, к ассирийцам проникло православное миссионерство. Путем разного рода покровительства и защиты от персов,

и целого ряда привилегий, оно начало завоевывать себе последователей. Но, защищая ассирийцев, православные миссионеры все более и более обостряли отношения их с персами, кончившиеся страшным избиением персов.

После империалистической войны, в 1917 году, ассирийцы рассеялись в большом количестве по России, главным образом по югу в Тифлисской губ., Эриванской, Армавирской, Донской области и в других местах.

До войны в Эриванской губ. были целые поселения ассирийцев, но нашествием турок все было разорено.

Живя в С. С. С. Р., значительная часть ассирийцев занимается торговлей, переезжая с одного места на другое.

Долгие годы не слышно было, чтобы в русской евангельской среде находились ассирийцы.

Создался взгляд, что этот народ настолько далек от евангельской истины, почва для принятия Христа настолько камениста, что было бы большим удивлением видеть в числе слушателей на собрании—**ассирийца.**

Однако, несмотря на все это, в последние годы проповедь Евангелия коснулась сердец некоторых ассирийцев.

Так ассириец Вердаев, приехав из Персии в г. Бердянск, и посетив несколько раз собрания,—обратился к Господу.

Другой ассириец, Иванов сообщил о себе следующее:

„Моя мать, живя долгое время в Персии, хорошо была знакома с американскими миссионерами, благодаря которых она стала внимательно изучать Библию, и была искренней христианкой. Ее влияние с самого детства сказывалось на мне. С другой стороны, мой отец (живя уже в России) начал посещать евангельские собрания, куда часто приглашал и меня. Я познакомился с некоторыми истинами Христа и пришел к убеждению, что из всех религиозных течений—евангельское течение наиболее правильное.

Учась в гимназии, я стал сталкиваться с догматами православного катехизиса и в беседе с законоучителем, я указывал на явные противоречия некоторых догматов со словом Божиим. На подобные и другие заявления законоучитель мне отвечал, что „духовенство не может знать всех мест Священ. Писания и предусмотреть все в катехизисе—невозможно". Такие беседы еще более укрепляли мою веру в Библию.

По окончании гимназии, я с родителями поселился в Тифлисе. Здесь я начал посещать ряд собраний: ассирийские (детокрещенские), армянские и русские. И наконец, остановился на русских собраниях.

Сердце мое стало все более и более проникаться светом Христовым и Спаситель все более открывался мне в Своей красоте.

Все было понятным для меня, кроме водного крещения, которое я отрицал. По этому и другим вопросам, после собрания, братья часто со мной беседовали. В это время мой отец стал ревностно посещать собрания.

Наконец, после одной проповеди я и мой отец, вставши, заявили о своем желании вступить в новую, благословенную Христом жизнь.

Появилось горячее желание возвещать о любви Господней всем людям, а также и своему народу.

Верующих по слову Божию ассирийцев в России очень мало. Это—единицы. Знаю братьев, находящихся: в Ростове—Юваш—Т. и в Кубанской области—Инвиева".

В. Щ.

СООБЩЕНИЯ С МЕСТ.

Одесса.— С глубокой благодарностью Господу извещаем о том, что 15 мая с. г. в немецкой колонии Гелененталь (Черногорка) с участием областных работников, затем бр. Б., владеющего немецким языком, и хора Одесской общины Ев. Хр., состоялось крещение свыше 20-ти человек из обращенных лютеран. Таким образом, при помощи Господа, существует немецкая Геленентальская районная община Ев. Хр. из пяти групп.— Особенное внимание обращено на г. Очаков, где в результате усиленной работы бр. Г. происходят большие собрания. Есть готовящиеся к крещению, которое, если будет Господу угодно, состоится в скором времени с участием некоторых работников и группы Одесского хора".

I-ый Всемолдавский **Съезд Евангельских Христиан, состоявшийся 5 — 6 марта 1927 г.** в г. Бирзуле. **Съезд в своей программе обратил особенное внимание на Евангельский быт. (См. Протокол Х-го съезда „о быте").**

Дер. **Женихова-Юденки,** Вятск. губ. — „Кратко сообщаем вам, с чего началось пробуждение в нашей местности.—Будучи на русско-германской войне и там уверовав, М. И. Краев возвратился в свою деревню и начал сеять Слово Божие. Через некоторое время приехал из австрийского плена А. М. Женихов, который в плену получил первые толчки к духовному пробуждению. Побывав в г. Перми и посетив там несколько раз евангельские собрания, Женихов окончательно отдался Господу, и вскоре принял водное крещение. После этого, на Троицу в 1921 году, Женихов совместно с бр. Краевым открыли первое евангельское собрание, и весть о Христе полилась струей. Началось пробуждение и обращение душ. Слово Божие распространилось и на окрестности верст на 40.—Верующие подверглись гонению со стороны местного населения. Так, однажды из собрания возвращались, мирно беседуя, группа братьев и сестер. Неожиданно на них напали несколько человек, и начали наносить им сильные удары, при этом злобно понося их за их убеждения. Обливаясь кровью, верующие с трудом добрались до своего дома. Такие побои переносили особенно вновь обращенные. — Несмотря ни на что, церковь Христова продолжала расти. В настоящее время никаких гонений нет, собрания проходят в тишине".

Дер. Дуб-Курино, Воронежск. губ. — „Во время моего пребывания в Донбассе я уверовал во Христа, и в 1922 году, приняв водное крещение, вернулся домой, в свою родную деревню. Дома, в своей семье, я начал вслух читать Евангелие, и рассказывать о Христе. Жена моего старшего брата первая приняла Слово Божие в свое сердце, и отдалась Господу. Моя жена долго колебалась, но тоже, наконец, обратилась к Господу. Затем, уверовали две мои сестры—девушки; далее—отец покорился слову истины, и наконец—моя мать. Через год в нашей деревне впервые было совершено крещение, что вызвало много толков, после чего евангельский огонь начал захватывать новые и новые души.—Некоторым из нас пришлось терпеть разного рода поношения со стороны неверующих. Так, один брат за истину Евангелия перенес сильные побои от своего дяди.— В настоящее же время наша группа сильна, и остается в верности Господу".

I-ый Вологодский Губернский Съезд Евангельских Христиан.

Вятская губ.—„Господь дает благословение Своему делу и в нашей губернии. В Вятской общине пасхальные праздники прошли оживленно, с приближающимися провели несколько бесед о крещении, молитве, браке и т. п. и более 20-ти человек заявили о своем желании вступить в церковь. В работе принимают горячее участей братья курсисты.—В Котельнической общине в последнее время видно духовное пробуждение: публикой собрания посещаются хорошо, и есть обращения. 13-го июня был исполнен декламаторий „Блудный сын", после которого 7 человек пожелали возвратиться к своему Небесному Отцу.—В Троицкой группе братья и сестры радуются в Господе. Есть обращенные души, из числа которых замечательна одна сестра—Евдокия Петрова. С первых шагов следования за Христом, она испытывает гонение от своих православных отца и брата, которые томят ее голодом и наносят побои за ее убеждения. Однако она остается верной Христу. Просим всех детей Божиих молиться за нее.—В Сырчанской группе собрания переполнены жаждущими душами На Троицу были проведены торжественные собрания совместно с съехавшимися гостями,—братьями и сестрами,—из соседних общин; 9 человек приняли крещение. Для принятия крещения два старичка из Кичминской группы пришли пешком за 107 верст. Во время праздника обратилось четыре души, в том числе один слепой старичек и юноша, который вел его на собрание за 60 верст.—В Шуманерской группе собрания происходят по воскресеньям. Некоторые братья и сестры ходили за 25 верст устраивать собрания среди старообрядцев. Народу было много, слушали внимательно, некоторые даже плакали и просили их еще раз посетить.—Молодежь из Слудской общины, в количестве 20-ти человек, на двух лодках поднялась вверх по реке Вятке и устроила собрание в дер. „Матак", откуда их провожали до 400 человек слушавшие Слово Божие из соседних деревень".

Ромны, на Полтавщине.—„Дорогие в Господе братья! Кратко сообщаю вам о нашем радостном литературном собрании, которое прошло с благословением.—Небольшой светлый молитвенный дом украшен цветными плакатами, текстами и лозунгами, которые обвиты зелеными гирляндами из сосновых веток. На дверях—большая афиша: „Сегодня в 5 час. вечера состоится литературное евангельское собрание на тему: „Остановитесь на путях ваших"... Участвует струнный оркестр и хор.—Мелодекламация.—В 5 час. зал был битком заполнен слушателями. Наконец, впервые в этом зале грянул струнный оркестр. Молодежь бодро и смело сыграла гимн: „Дорогие минуты нам Бог даровал". Развернулась чудная программа из декламаций, пения и музыки. Всюду—светлые лица, радостные глаза... Все новое, живое, евангельское.—Во всем сказывалась евангельская возрождающая сила —Все, вместе с текстом, вывешенным среди зала, отпечатанным большими буквами, похожими на каменные глыбы преграждающие путь грешнику, как бы говорило: „Остановитесь на путях ваших".

Духовный Съезд Кулебякской Общины Евангельских Христиан Нижегородской губ., состоявшийся в январе 1926 г. Съездом обращено особое внимание на воспитание членов церквей и на расширение проповеди Евангелия в Муромском районе.

Село Соколов, Брянск. губ.—„В нашу местность семена Слова Божия были занесены некоторыми братьями только в 1918 году. Первый брат приехал из Украины, второй—из г. Брянска. Затем, возвратились в свою родную деревню уверовавшие во время отбывания воинской повинности три брата. Сгруппировавшись, эти братья начали сеять слова жизни, которые проявили свое могущественное действие на многие сердца. Священный огонь разгорался и распространился на 9 сел и деревень, в которых в настоящее время находятся группы верующих.—В г. Орле некоторым нашим братьям удалось побывать на Библейских Курсах, что не осталось без успеха и плода.—В начале образования общины многие верующие претерпели гонения. Так, некоторым братьям одевали на шею конские хомуты и с криком водили их по селу. Однажды был такой случай: мы хоронили мать одного нашего брата; разъяренная толпа с лопатами бросилась на братьев, несущих гроб, отняла умершую и похоронили ее сами. Мы же в это время запели гимн: „Страшно бушует житейское море". Часто, во время собрания в окна летели колья, пьяные врывались в помещение с ножами, стремясь нанести нам побои, но Господь лучше нас знал, как защитить нас.—Господом хранимы мы были и от всякого рода заблуждения, оставаясь твердо на евангельских основах. Как-то возникло в нашей местности субботничество, но оно быстро рассеялось и исчезло. — В истории

нашей общины замечательно было обращение Дмитрия Левкина, который вел порочную жизнь и способен был на всякое зло: на пошлость, воровство, пьянство и злоречие. Но что же? Познав Господа, он сделался кротким, как дитя. Над ним начали по разному издеваться, много раз даже били, но он все прощал, и в глубокой вере отошел в вечность.

Гор. Георгиевск, Кавказ.—„Дорогие братья, мир вам! Получив 5-й номер „Христианин" и просмотрев его с начала до конца, я с величайшей радостью встретился с фотографией дорогого труженика и верного блюстителя стада Христова, борца за Христа, нашего брата Сазелия Алексеевича Алексеева, с которым я имел счастье видеться в гор. Георгиевске, в нашей общине, в 1924 году. Он посетил нас с бр. Н. Г. Моргуновым, с целью рукоположить служителей нашей церкви.—С какой неутолимой жаждой мы слушали от него Слово Божие, а также краткое сообщение о пройденном им пути, которое он изложил на Вечери любви, устроенной по случаю радостной встречи дорогих гостей. Да, все это оставило радостное воспоминание.—О смерти же его мне стало известно спустя три дня после его кончины и мое сердце исполнилось чувством глубокой скорби, что потеряна надежда увидеться с ним здесь на земле. Сегодня же, получив журнал, я начал с большим вниманием читать о нем статью. Читал я в присутствии своей жены и одной сестры в Господе. Начало чтения так захватило меня, что я очень крепкий на слезы, не мог удержаться от них. Посмотрел на жену и сестру—и они плачут. Я напряг последние силы, чтобы спокойно дочитать, но мой голос все больше и больше обрывался и наконец, в средине статьи, совсем оборвался. Жена с сестрой вышли в другую комнату, я же, склонившись на колена, благодарил за благословенное начало и конец С. А. и от всей души просил у Господа сил последовать его примеру.— Но, дорогие братья, мне стало обидно, почему в статье перечислены посещенные им города на Кавказе, а наш город не указан. А ведь Савелий Алексеевич пробыл у нас три дня. Как жалко. Я бы подчеркнул красным карандашом г. Георгиевск.—Преклоняюсь пред волей Отца, которая выразилась в отозвании дорогого пресвитера, и верю, что Он не замедлит выдвинуть на его место подобных же служителей.—Сердечно приветствую работников ВСЕХ".

I-ый Чистопольский Съезд Евангельских Христиан, состоявшийся с 1 января 1927 г. Съезд, среди многих других духовных вопросов отметил о чистоте жилищ, одежды и главное—о чистоте сердца. „Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят".—Мф. 6 32.

Хор Пензенской Общины Евангельских Христиан.

ПРЕМУДРОСТЬ БОЖИЯ.

Капитан большого купеческого судна увидел раз маленького поваренка, забравшегося высоко на мачту, и приказал ему спуститься оттуда. Мальчик послушался, но был бледен и дрожал всем телом.

— Что ты там делаешь? Зачем ты туда полез?—спросил его капитан.

— Я боюсь штурмана,—ответил мальчик.

— Разве ты напроказил? Или сделал он тебе что-нибудь?

— Нет, я ни в чем не провинился, да и штурман мне ничего не сделал; но я видел, как он сегодня утром вырезал одному из матросов кусок мяса из руки и прижег ему больное место каленым железом, а потом застрелил Жучку, и бросил ее в воду.

— Ты напрасно боишься штурмана,—сказал ему тогда капитан;—послушай, что я скажу тебе: Жучка взбесилась, и укусила матроса. Бедняга умер бы в ужасных мучениях, если бы штурман не вырезал у него из руки куска мяса и не прижег больного места. Жучку же ему пришлось застрелить, чтобы избавить тебя, меня и всех нас от ее укусов... Неужели ты и теперь будешь бояться такого доброго человека?

Мальчик успокоился.

Читатель, может быть и тебе посылаемые Богом испытания кажутся жестокостью? Вдумайся глубже во все то, что ты пережил, и ты убедишься в благости Божией и своей близорукости.—„Только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло“.—Иер. 29, 11.